

Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Расшифровка
Серия «Наружное наблюдение», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170212

Наружное наблюдение. Расшифровка / Андрей Константинов при участии Евгения Вышенкова и Игоря Шушарина: Издательский дом «Нева»; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-44878-2, 978-5-9725-2385-6

Аннотация

Люди Ребуса похищают сотрудницу «наружки», бросив вызов команде Нестерова. Экипаж принимает вызов – теперь объектом охоты становится сам вор в законе. Итог этой гонки совершенно непредсказуем, а цена, которую придется заплатить, может оказаться непомерно высокой...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Константинов, Евгений Вышенков, Игорь Шушарин Расшифровка

© А. Константинов, 2008

© ООО «Астрель-СПб», 2008

* * *

Глава первая Ладонин

Вечером на общем собрании в отделении филеры обмениваются приметами новых лиц, вошедших в отчетный день в среду наблюдения, и этим путем удостоверяются, не было ли данное лицо в тот же день в сфере наблюдения другого поста, в то же время сообщается о новых местах, посещаемых наблюдаемыми, чтобы новыми силами наметить квартиры, которые посещает наблюдаемый.

Из Инструкции по организации филерского наблюдения

Вот вроде бы и хорошая штука – праздники, но когда они обрушиваются на тебя с частотой три раза за неделю, невольно ловишь себя на мысли, что лучше бы их и не было вовсе. Не успела у Нестерова отболеть голова за День разведчика, как грянул юбилей тестя. А едва отшумели похмельные бури и по своим гаваням и бухточкам разъехались усталые, но довольные родственники жены, как подоспело пятое число – День уголовного розыска, если кто не в курсе. А здесь уже без комментариев: год не пей, а тут, как говорится, сам Бог велел. Настоящие сыскари этот праздник почитают несравнимо больше, нежели официально-понтный День милиции с неизменным концертом по ящику и с его столь же неизменными Кобзоном, Газмановым и группой «Любэ», насвистывающей песенку про оперов, которых «прорвало». Тем паче, что концерты мы и сами устраивать горазды: и со световым шоу в виде пальбы из ракетниц, и с финальным битьем посуды.

На торжественную попойку к доблестным розысникам Лехи Серпухова Александр Сергеевич подорвался после смены в гордом одиночестве. Во-первых, этот день он искренне считал «праздником для взрослых», а во-вторых, события недельной давности красноречиво показали, что его «грузчикам» лучше вести трезвый образ жизни, ибо реакции молодого организма на алкоголь могут быть самыми непредсказуемыми. Равно как и последствия: от разрыва аорты до... мини-аборта.

Короче, встретились-поговорили-выпили. Пьянка проходила в уже знакомой «Черной моли». Это был довольно мутный кабак, к которому Серпухов тем не менее питал непонятную, граничащую с извращением любовь – слишком уж гнилой контингент любил здесь тусоваться. В свое оправдание, посещение сего злачного места Леха всякий раз именовал «толстовством», то бишь «хождением в народ» в поисках сермяжной (она же суконная, она же домотканая) правды. Впрочем, сегодня от столика, за которым расселись оперативники, местные завсегдатаи держались на почтительном расстоянии, сконцентрировавшись преимущественно у выхода, дабы в случае чего скоренько сделать ноги. Давно известно, что подгулявший мент гораздо страшнее стихийного бедствия.

За Уголовный розыск и его прапрапрадедушку – разбойно-сыскной приказ, самым знаменитым сотрудником которого был Ванька-Каин, – пили в основном традиционный ментовский напиток «Ерш» (одна часть водки на три-четыре части пива). И лишь отдельные эстеты, типа Димы Травкина, изгалялись, употребляя более стильную «субмарину»: это когда в бокал с пивом крайне осторожно опускается рюмка водки и уже потом все это дело столь же осторожно выпивается. То есть, в отличие от «ерша», сначала пьется почти чистое пиво, а уже ближе к концу идет смесь. Кстати, на самом деле в «классической» рецептуре «субмарины» вместо водки должна использоваться текила, но тут уже ничего не поделаешь. Как любил говаривать нобелевский лауреат Иосиф Бродский: «Хули делать – не в Бельгии живем».

Дождаться окончания застолья Нестеров не стал: и пить никаких сил уже не осталось, и здоровья нет (вот и прошлой ночью сердчишко снова прихватило), и жена всю плешь проела – за последние пару часов раз пять на трубу звонила, все домой гнала. Словом, как ребята его ни уговаривали, но бригадир настоял на своем и, заказав в качестве отступного еще одну бутылку «для именинников», покинул заведение, благо станция метро была рядом.

Убаюканный полупустым, покачивающимся на стыках вагоном, Нестеров закемарил и проснулся лишь от металлического голоса, сообщавшего, что «поезд следует в депо, просьба освободить вагоны». Заспанный бригадир выскочил на перрон и тут же из мимолетного мира грез в объективную реальность его окончательно вернул звонок мобильного. Нестеров поморщился было, однако, достав трубу, увидел, что на этот раз ему звонит не взбешенная жена, а Игореха Ладонин.

– Привет! Не разбудил?

– Какое там! Еще только домой добираюсь.

– С работы?

– Почти. С коллегами водку пил.

– Понимаю, это еще тяжелее, чем работать, – усмехнулся Игорь. – С радости или с горя?

– Да ты что! Праздник же сегодня, День уголовного розыска.

– Ну, извини. Я в этих ваших ментовских красных днях календаря не шибко ориентируюсь. Разве что про десятое ноября знаю. И то... Исключительно потому, что каждый год накануне мой специально обученный курьер по милицееским подразделениям катается – конверты с открытками развозит.

– Открытки, небось, все как на подбор зеленые?

– А то как же. Самый любимый ментовский цвет.

– А вот к нам в контору такие благодетели на моей памяти ни разу не заявлялись.

– Так мы же адреса не знаем, – хохотнул Ладонин. – Скажи куда – подъедем.

– Не могу, – вздохнул Нестеров. – Это государственная тайна, покрытая мраком.

– Ты безнадежно отстал от жизни, Сергеич. Эта твоя «государственная тайна» действительно уже давно покрыта. Но отнюдь не мраком, а... fuck-ом. Ты что, действительно веришь, что мои «открытки», равно как «открытки» моих коллег со звериным капиталистическим оскалом, целомудренно обходят стороной вашу, якобы девственную, службу? Если так, то прости – должен тебе признаться, что вас уже давно и в полный рост имеют и пользуют, причем самым извращенным способом...

– Игореша, ради нашей дружбы, очень прошу, позволь мне дожить до пенсии, не зная «тьмы низких истин», оставаясь пребывать под кайфом «возвышающего обмана».

– Понял, Сергеич, извини. Вообще-то, я звоню совершенно по-другому поводу. Ты сейчас как далеко от дома?

– Минутах в двадцати.

– Тогда ты еще успеешь посмотреть двенадцатичасовой выпуск новостей по НТВ.

– И что?

– Да ничего. Посмотри, а если после этого у тебя появится желание, перезвони.

– Загадками говорить изволишь?

– Да уж какие там, на фиг, загадки... Короче, давай попозже созвонимся...

Крайне заинтригованный словами Ладонина бригадир не стал дожидаться утопического в эту пору трамвая, тормознул маршрутку и, как результат, дома был уже через пятнадцать минут.

Супруга его не дождалась – по крайней мере, в спальне было темно.

А вот Оленька, которой согласно всем существующим на сей счет рекомендациям Минздрава и Минобразования, давно полагалось видеть как минимум третий сон, бодрствовала на кухне и с увлечением смотрела кино по маленькому, водруженному на холодильник,

телевизору. Судя по ежесекундно доносящимся возгласам «shit» и «fuck you», кино было американским.

– Привет! И почему это мы, интересно, не спим?

– Привет! И где это мы, интересно, шляемся? – невозмутимо ответствовала малолетняя дочь, не отрывая глаз от экрана, где бравая девчужка остроотточенным мечом сносила башки оскалившимся беспомощным азиатам.

– Мать давно легла? – Бригадир пропустил мимо ушей неприкрытое хамство, поскольку в противном случае дискуссия могла затянуться.

– Как только ты стал шебуршить ключом в замке, – с потрохами сдала родительницу Оленька.

– Понятно, – вздохнул Нестеров. – А что за фильм?

– «Убить Билла».

– Оп-па, а тебе не рановато такие фильмы смотреть?

– Да у нас уже весь класс давно посмотрел, на DVD и по видеку. Одна я как дура...

– Ясно, – снова вздохнул бригадир, который про Тарантино, естественно, слышал, но, к стыду своему (а может, и к счастью?), ни одного фильма этого прославленного режиссера не видел. – Слушай, Олька, через три минуты новости. Мне надо обязательно посмотреть. Так что не катилась бы ты в постель? Колбаской...

– Ну, конечно, пришел выпивши и начал качать права.

– Ольга! Смотри у меня, схлопочешь!..

– Ты же сам говорил, что бить детей – непедагогично! – парировала Оленька.

Эту фразу, которую Нестеров случайно обронил лет эдак пять-семь назад, она неизменно цитировала всякий раз, когда отец пытался надрать ей уши за очередную провинность.

– А ну, марш в постель! – рявкнул Нестеров.

– Я же не досмотрела!.. Па, вот если купишь мне кассету с «Биллом» – тогда пойду.

– Черт с тобой, куплю.

– Ты мне лучше дай денег, а я сама завтра пойду и куплю.

– Сколько? – сдался бригадир, увидев, как стрелка часов переползла отметку полуночи.

– Двести рублей, – ответствовала маленькая провокаторша.

– Это почему так дорого?

– А лицензионная столько и стоит. Нам в школе говорили, что нельзя потакать пиратам. Александр Сергеевич снова вздохнул, порылся в бумажнике и сунул дочери две сотенные бумажки.

– Все, теперь брысь отсюда!

– Спокойной ночи, папочка, – проворковала вполне удовлетворенная Оленька и упорхнула.

Разозленный явной разводкой со стороны своей «кровиночки», Нестеров схватил пульт и переключил канал. И как раз вовремя: на энтэвэшном экране крупным планом демонстрировалось лежащее в луже крови тело, освещенное мигалками «Скорой» и милиции, а беспристрастный голос диктора вещал:

«Сегодня вечером в Воркуте совершено покушение на вице-президента компании „Навигатор“ тридцатидвухлетнего Дмитрия Белова. В восемь часов вечера, возле собственного гаража на Советском проспекте он получил огнестрельные ранения в грудь, живот и правую ногу. Введенные милицией планы „Перехват“ и „Квартал“ результата не дали. На месте преступления найдены три ружейных гильзы, одна пуля, гильза от ракетницы, следы пальцев рук и портфель с документами. Член совета директоров „Первого республиканского банка“ Сергей Тюменцев дал эксклюзивный комментарий нашему корреспонденту».

На экране возникло лицо откормленного хряка при костюме и галстуке: «Убежден, что все произошедшее явно связано с профессиональной деятельностью Дмитрия Белова. Возможно, он попал в струю деления бизнеса. Может быть, у него хотели набрать кредитов, или перекупить акции, или востребовать имущество... Уверен, все упирается в деньги...»

Далее пошел сюжет о наводнении в Малайзии.

«Вот ведь ж-жопа», – тоскливо подумал Нестеров и набрал номер Ладонина:

– Игорь, это я...

– Да уж догадался. Посмотрел?

– Да. Ты думаешь?..

– Сергеич, я ничего не думаю. Я два часа назад, так же, как и ты сейчас, просто зафиксировал событие. А зафиксировав, поспешил поделиться своими наблюдениями с тобой.

– Ты хочешь сказать, что если бы изначально зажигалка была у тебя, вы бы смогли как-то повлиять на ход событий?

– Жизнь не терпит сослагательных наклонений, Сергеич. И ты это знаешь лучше меня.

– Красиво сказал. Вот только я почему-то не совсем уверен, что все это время вы сидели сложа руки.

– Не понял – поясни, – слегка оцетинился Ладонин.

– В смысле, я не шибко верю, что у твоего Николая не осталось дубль-версий с той самой записи.

– С вами опасно иметь дело, господин подполковник. Ваше зрение в корень меня пугает...

– Ты от ответа-то не уходи. Так – да? Или нет?

– Ладно, сдаюсь. Было дело. Но пойми, Сергеич, хотя я и знал, что будет плохо...

– ...Но не знал, что так скоро?

– Сдаюсь. Сразил наповал. Убил. Он еще и с творчеством группы «Кино» знаком! Короче, вы завтра как? Со сколько выставляетесь?

– С двух.

– Отлично. Может, тогда подскочишь ко мне в офис, часикам к двенадцати? Попробуем совместными усилиями точки над «і» расставить...

– Хорошо, подъеду. Только точки будем ставить не над «і», а над «е»...

– Чего?

– Я говорю, что в русском языке точки, как правило, над «е» расставляют.

– Нестеров, только что мне в голову пришла гениальная идея: когда ты все-таки уйдешь из своей чертовой ментовки, то я возьму тебя даже не на начальника безопасности, а придумаю должность... должность... Ну, что-нибудь типа «оперативного дежурного философа». Согласен?

– Подывымось, – на хохляцкий манер крикнул Нестеров. – Ладно, Игорь, все. В двенадцать, так в двенадцать. А сейчас пойду-ка я малость поплющу. Устал я сегодня...

– И снова отличная мысль, Сергеич. Между прочим, именно этим я и сам намеревался заняться в самое ближайшее время. Короче, аналогичный случай был в Тамбове...

– И чем тогда все закончилось?

– Где?

– В Тамбове.

– А, так там обыденно все вышло – ровно в семь зазвонил сучонок-будильник, – схомил Ладонин. – Да, слушай, а как ваша Полина поживает? Не уработали еще девушку своими шпионскими мультками?

– А ты что, беспокоишься?

– Есть маленько.

– Так возьми и сам ей позвони, поинтересуйся, – безо всякой задней мысли сказал Нестеров. В конце концов для их экипажа Игореха Ладонин (он же Игла, он же Второй Фронт) уже давно и прочно был свой.

– Диктуй номер – позвоню.

– Записывай... Только, я думаю, прямо сейчас звонить не стоит. Первый час ночи. В такое время юные и милые девушки уже сладко спят в своих девичьих постельках.

– Ты плохо знаешь современную молодежь, Нестеров. В такое время в этих самых постельках юные и милые девушки всюду кувыркаются с такими же юными и милыми мальчиками.

– Что ж, очень может быть, – вслух задумался Александр Сергеевич, вспомнив про Пашу Козырева.

– Что? Есть оперативная информация? – по-своему отреагировал на его фразу Игорь.

– Сдается мне, Игореша, что у тебя к Полине отнюдь не праздный интерес.

– А разве я похож на праздного человека?

– Вообще-то не очень.

– То-то же. Но запомни: я – воробей стреляный, меня на бикини не проведешь.

– Ну-ну, зарекалась ворона дерьма не клевать...

– И что?

– Да на первой же куче и разговелась.

Приятели дружно расхохотались.

На столь оптимистичной ноте они и расстались.

Ни Ладонин, ни Нестеров на этот раз не угадали – в столь поздний час Полина не спала и не «кувыркалась». Сна не было просто потому, что не было, а касаясь «кувыркаться» – так вроде как и не с кем. Проворочавшись до половины первого, Ольховская встала с постели и, накинув халатик, прошла на кухню. Здесь она включила чайник и тяжело опустилась на табурет. Опустилась и поняла, что встать уже не может. В голове шумело от обрывков мыслей, фраз и лиц. Причем мыслей, фраз и лиц почему-то все больше чужих. Обычно в таких ситуациях она пила крепкий чай с сахаром и лимоном и шла спать. Однако сегодня маленький свербящий комарик не давал «грузчице», а в недавнем прошлом «ульянщице» ОПУ уснуть и хотя бы на время отрешиться от сует брэнного мира. Фамилия этому «комарику» была... Ладонин.

Слова близкого друга Антона Гурьева, брошенные им на прощание в бутике «Невского Паласа», запали Ольховской в душу. Причем запали незаметно. То есть, поначалу, после случайного разговора, у Полины даже мысли не возникло, что в данном случае Ладонин, возможно, и не шутит. Тогда она была абсолютно уверена, что Игорь просто-напросто ее подначивает, и даже немного гордилась тем, что сумела не поддаться на «провокацию». Паче чаяния Ольховской всегда казалось, что романтические отношения завязываются как-то иначе. И что в них обязательно должен присутствовать душевный трепет. Однако сейчас, когда она уже не двигалась хаотично под гору и напряженно не всматривалась в объект, ей вдруг очень отчетливо припомнилось... Припомнилось то, как Ладонин надевал ей на ногу туфельку. Надевал, словно Золушке (вот ведь еще и с дурацкой сказочной героиней себя сравнила!), так осторожно и бережно, что ногу в этот момент приятно покалывало. Помнится, ей еще подумалось: вот ведь, блин, укатали опушную сивку... Но сейчас она вдруг поняла, что те мурашки были совершенно иного происхождения и гораздо более приятного свойства.

А потом вот это его предложение... Сейчас оно уже не казалось Полине насмешкой. Тем более что бизнесмен действительно произвел на «грузчицу» впечатление. И дело вовсе не в дорогом костюме или золотых часах Ладонина. Дело было в его уверенной усмешке,

в его сильных руках, в его повадках и манерах, так напоминающих Полине то Гурьева, то Камыша. Ладонин уверенно брал ее руку и... вел. Причем вел именно так, как ей представлялось, и должен вести мужчина. Ее мужчина.

А вот нынешний «ее мужчина» – Паша Козырев (здесь Полина невесело усмехнулась) этим качеством, увы, не обладал. В принципе, он многими качествами, которые Ольховская ценила в мужчинах, не обладал. Многими, кроме одного – он любил ее, а это по нашим временам, согласитесь, не так уж и мало. Тем более что теперь, когда у Ольховской медленно, но верно приближался такой женский возраст, когда «год за полтора», особо выпендриваться, наверно, не стоило. Конечно, мужчины до сих пор оборачиваются ей вслед, да и поймав машину, на которой бесплатно, «за улыбку», довезут до места назначения, для «грузчицы» проблемой пока не было. Но вот холодная постель и нет-нет да и возникающие мысли «о продолжении рода», для которого пришел если не крайний, то уже близкий к крайнему возраст реализации, уже не просто волновали – пугали.

Да, Паша – вот он. Всегда под рукой, всегда готов – хоть в постель, хоть в загс. Что называется, «позови меня с собой». Вот только звать Козырева Полине не хотелось. Ну, не лежало у нее к нему сердце! Странное дело, но при общении с Пашкой ей частенько вспоминались былые девичьи мечты о большой и единственной любви, которая если и будет недолгой, но зато всепоглощающей. Юной Полине Ольховской тогда казалось, что после такой любви и смерть не страшна. Н-да, «мечты, мечты, где ваша сладость»... Нет, ну не идиотка ли?!

И что теперь? Вот она, разбившаяся о смерть Антона любовная лодка, которая тянет тебя на дно. Только вот на дно, оказывается, почему-то совсем не хочется. А хочется наоборот: плыть дальше по реке жизни. И, кто знает? – а вдруг Игорь Ладонин и есть ее берег, та самая тихая пристань, где красиво, легко и спокойно?

Чайник натужно загудел и щелкнул пластмассовым рычажком, сигнализируя о своей готовности. Правда, чаю уже не хотелось – хотелось водки. Да где же ее сейчас возьмешь?..

* * *

Александр Сергеевич оказался прав – копия записи разговора Ребуса и депутата в недрах компьютера Николая сохранилась, и Ладонин действительно дал задание службе безопасности малость пошебуршить эту тему. СБ «пошебуршила», даже человечка, специально обученного, в Воркуту отправила, разузнать что да как. Словом, сработала оперативно, четко и для столь неконкретной информации максимально полно. Хотя удивляться здесь не приходится – именно так и должны работать люди, которым за свою службу, в отличие от ментов и прочих слуг государевых, платят очень немаленькие деньги.

По итогам работы в сухом разведывательно-аналитическом остатке люди Ладонина узнали следующее.

В начале девяностых, на заре тотальной приватизации всего и вся, состоялось акционирование хладокомбината № 1 города Воркуты, который с тех пор стал носить изящное, но не имеющее никакого отношения собственно к холоду название – «Навигатор». Воркутинский хладокомбинат был во всех отношениях предприятием вкусным – и в силу специфики производимой продукции, и в плане дополнительных возможностей по извлечению прибыли, связанных со сдачей в аренду складских помещений и морозильных установок. Последние были чрезвычайно востребованы представителями братских народов из стран СНГ, занимавшимися реализацией овощей и фруктов на бескрайних просторах Заполярного круга.

В период относительно недолгого криминального лихолетья фирма «Навигатор» несколько раз поменяла бандитскую крышу, успев побывать и под чеченцами, и под мурманцами, и под местными братками. Подобное, с позволения сказать, сотрудничество на пользу

предприятию, понятное дело, не пошло, однако в какой-то момент «благородные пираты» потеряли интерес к «Навигатору», опрометчиво посчитав, что отныне взять с «убогих» нечего. Короче, поматросили – и бросили. А тут еще как раз подоспел августовский дефолт 98-го. Казалось бы, теперь комбинату точно крышка. Ан нет – к чести руководства, ему все же удалось сохранить цельность предприятия и не дать раздробить комбинат на кучку юридически-самостийных холодильничков и складиков. Более того, примерно к 2002 году «Навигатор» сумел миновать затяжной экономический кризис и впервые за много лет вышел в плюс. Большинство экспертов тогда сошлись во мнении, что совершить такой прорыв удалось во многом благодаря кипучей натуре вице-президента компании Дмитрия Белова.

А тот был из той породы людей, которые по природе своей предназначены для кризисов. Именно Белов умудрился реструктуризировать задолженность «Навигатора» перед областным бюджетом по налогам и сборам, а также по начисленным пеням и штрафам, после чего, подключив личные связи, выбил долгосрочную кредитную линию у Первого Республиканского Банка (ПРБ), в котором хладокомбинат имел десятипроцентную учредительскую долю. Словом, на Белова в «Навигаторе», в прямом смысле этого слова, молились. На молодого талантливого менеджера замыкалось очень многое, и понятно, что покушение на него вызвало настоящий шок как у сотрудников, так и у владельцев компании.

Эту, увы, незатейливую для современного отечественного бизнеса историю Нестерову вкратце пересказал Ладонин. Как и договаривались, к двенадцати часам Александр Сергеевич подтянулся к Игорю в офис, и теперь приятели утопали в удобных кожаных креслах перед зажженным по причине сырой погоды камином и неспешно беседовали, попивая элитный кофе «Кубита». Со стороны весь этот внешний антураж до боли напоминал финальную сцену из отечественного сериала про Шерлока Холмса: великий сыщик (в данном случае Ладонин) снисходительно выкладывает напарнику дедуктивный расклад, а простодушный доктор Ватсон (сиречь Нестеров), не переставая удивляться осведомленности своего приятеля, разинув рот, восхищенно ему внимает.

Для полноты картины не хватало разве что дымящихся сигар и пузатых бокалов с бренди. Однако первые, как известно, Ладонин на дух не переносил еще со школы, а что касается спиртного, то здесь категорический отказ последовал уже со стороны Нестерова. В свете участвовавших в последнее время возлияний сегодня бригадир двумя руками был готов подписаться под отчаянными словами отечественного рок-гуру: «Мама, я не могу больше пить!.. Мама, вылей все, что стоит на столе, – я не могу больше пить»¹. К тому времени уже было известно, что Дмитрий Белов скончался в реанимационном отделении местной больницы, так и не придя в сознание.

– ...Игорь, я чего-то не догоняю: а какая, собственно, связь между убийством Белова и переговорами Ребуса с депутатом? Они во время беседы даже имени его ни разу не упомянули. Да и не стал бы депутат в блудняк с мокрухой втягиваться.

– Э-э, брат, плохо ты знаешь нынешних депутатов. Там, где пахнет реальными бабками, завалить кого-то, уж поверь мне, – не вопрос. Если не лично, то других в это дело втянут обязательно. Вечная история: «борьба бабла со злом»... Хотя в данном случае, наверное, ты прав – про возможное убийство Белова он мог и не знать. Ребусу наш «депутат» был интересен в несколько ином качестве.

– То самое «ключевое слово – судья»?

– А, так ты уже знаешь?

– Знаю что?

¹ Песня Бориса Гребенщикова, лидера группы «Аквариум».

– Что депутатский тест работает председателем арбитражного суда республики Коми?

– Нет, не знал. Что ж, наверное, это круто. Хотя, если честно, я очень слабо разбираюсь во всех этих арбитражах. Мне по жизни как-то всегда был ближе абордаж.

– Был там и абордаж. На него люди Ребуса взяли местного делягу со смешной фамилией Штрипкин. Оказывается, этот самый Штрипкин там у них, в Воркуте, довольно известный коллекционер-собираатель. А коллекционирует он миноритарные пакеты акций предприятий, а потом действует согласно текущей рыночной конъюнктуре. То есть шантажирует собственников и треплет нервы владельцам крупных, либо близких к блокирующим пакетов акций.

– Игореша! – взмолился Нестеров. – Переведи на человеческий! Я ж тебе говорю, что ни хрена во всем этом не волоку.

– Перевожу. Два года назад уволенный с комбината за беспробудное пьянство, а некогда ведущий технолог предприятия некто Петухов продал Штрипкину свои два с половиной процента акций «Навигатора». А к последнему, как выяснилось, с некоторых пор неровно дышит Ребус. Дабы заполучить комбинат, они зарегистрировали в Воркуте небольшую фирмочку, которая стала потихонечку аккумулировать у себя акции «Навигатора». В основном, эта кропотливая работа велась за счет работников предприятия, на руках которых было по одной-две акции, не больше. Но ты же знаешь, что это только одна старушка – десять копеек...

– А десять – уже рупь?

– Во-во. Короче, всю эту движуху Штрипкин каким-то образом просек и смекнул, что в отношении «Навигатора» затевается некая кутерьма. Поэтому, когда люди Ребуса вышли на него с предложением продать те самые два с половиной процента, Штрипкин запросил столько, что ему едва не проломили голову прямо на месте, не отходя от кассы. Однако, малость отдышавшись, народ сообразил, что в случае летального исхода доступ к акциям будет несколько затруднен. Тогда-то и было принято решение подключить к теме судейского тестя нашего горячо любимого депутата. В том числе, в качестве назидания всем настоящим и будущим «штрипкиным»: мол, не захотите отдать за деньги – отдадите даром. В общем, отыскали в местном шалмане уже окончательно посиневшего технолога, и за пару жбанов водки тот поставил свою подписюгу на доверенности и прочих бумагах, которые ему тут же любезно и подсунули. А затем человек с доверенностью от Петухова подал в суд с требованием аннулировать сделку.

– А основания действительно имелись? Или весь расчет был только на своего судью? – поинтересовался Нестеров.

– Ну, оснований можно придумать сколько угодно. Самое элементарное и фактически беспроегрышное – доказать, что в свое время Штрипкин ввел их «клиента» в заблуждение относительно предмета и условий сделки, а посему в данном случае имело место классическое несоответствие между его волей и его же волеизъявлением.

– В смысле, продавая акции, Петухов не ведал, что творил?

– Да, примерно так. И, как ты понимаешь, при таких раскладах и с таким председателем суд буквально за одно заседание официально отыграл тему назад. После этого люди Ребуса сложили все яйца, в смысле акции, в одну корзину, и она превратилась в самый натуральный блокирующий пакет, о чем на следующий день официально объявили руководству «Навигатора». И не просто объявили – потребовали срочного проведения внеочередного собрания акционеров. Руководство «Навигатора», осознав, что в их доселе тихий и богоугодный курятник забрались с черного хода, схватилось одной рукой за сердце, а другой за валидол. Спокойствие сохранил лишь один человек – Белов. Понимая, что требование новоявленных акционеров вполне законно, но при этом ситуация близка к классическому

«коготок увяз – всей птичке пропасть»), он спешно начал проводить работу по консолидации остальных акционеров «Навигатора» в единый фронт. Дабы на предстоящем собрании оказать достойный отпор захватчикам и заблокировать выгодные «чужакам» решения.

– Ага, понятно. Что-то типа «в ответ на кулацкие злые угрозы вовлечем трудовое крестьянство в колхозы», – усмехнулся Нестеров.

– Точно так. И похоже, в какой-то момент люди Ребуса поняли, что у Белова может и выгореть. Тем более что за ним стоял очень мощный ресурс в виде Первого Республиканского Банка, интересы которого он в «Навигаторе» и представлял. Вот, собственно, и все. По крайней мере пока в общих чертах ситуация выглядит именно так. Теперь ты понимаешь, Сергеич, что если бы мы вышли с нашей «зажигательной» информацией на Белова хотя бы неделю назад, все могло пойти несколько по иному сценарию.

– И это мне говорит человек, который еще вчера с пафосом в голосе утверждал, что жизнь не терпит сослагательных наклонений, – парировал Нестеров.

Кстати, как профессионал, в данный момент бригадир был искренне восхищен тем, как грамотно, а главное оперативно и четко сработали по этой теме люди Ладонина.

– Слушай, Игорь, после твоего рассказа я уже ничуть не удивлюсь, если сейчас ты сообщишь, что твоим ребятам удалось и киллера прокачать.

– Мы работаем в этом направлении, – скромно сказал Ладонин, однако было видно, что ему льстит восхищение Нестерова. – В частности, не исключено, что ими могли быть те два залетных зайца, которые забивали стрелку со Штрипкиным. Похоже, Ребус с самого начала допускал, что события могут потребовать силового вмешательства, а посему заранее выписал в Воркуту специалистов по экстриму. Если так, то следует признать – котелок у него по-прежнему варит и варит не хреново.

– Я вот одного не пойму – столько суетливых движений, столько усилий, и все из-за какого-то паршивого хладокомбината. На хрена он вообще Ребусу сдался?

– Ему нужен не курятник. Ему нужна касса курятника, коею на сегодняшний день является Первый Республиканский Банк. Люди Ребуса пытаются сожрать «Навигатор» лишь для того, чтобы стать владельцами актива размером в десять процентов учредительской доли банка. Понимаешь? Холодильники, склады, пищевка – это тоже хорошо. Но главное все-таки – банк.

– Что, такой сытый банк?

– Да. С прошлого года это ничем не примечательное финансово-кредитное учреждение неожиданно для многих стало, как ты это называешь, сытым. Очень сытым. ПРБ включен в число уполномоченных банков по работе с деньгами Минфина, выделяемых под программу переселения шахтеров Коми в южные регионы.

– Недопонял. Кого и куда выселяют?

– Существует проект с пафосным названием «О социальной реструктуризации районов Крайнего Севера». В рамках этого проекта якобы шахтеры из якобы Воркуты за казенный счет якобы перевозятся на юг – к морю и виноградникам. Там они якобы обживаются, якобы переучиваются и якобы обзаводятся новой достойной профессией. Опять-таки за казенный счет. Понятно, что никаких шахтеров никто никуда на самом деле вывозить не будет. Но представляешь, какие вокруг всего этого крутятся деньжищи?

– Нет, не представляю, – честно признался Нестеров. – Не представляю, но догадываюсь...

Прятели еще немного пообсуждали сложившуюся ситуацию, но к однозначному решению, как поступить дальше, не пришли. Нестеров предлагал передать и саму зажигалку, и материалы, собранные «особистами» Ладонина, гласникам, ведущим дело по убийству Белова. Игорь категорически возражал, причем его аргументы были достаточно убедительными.

тельны. Бригадир и сам понимал, что процесс легальной передачи «вещдоков» неизменно повлечет за собой дачу показаний: где, как, при каких обстоятельствах и с каких таких фигов были добыты эти материалы. В сложившихся обстоятельствах придумать удобоваримую легенду будет непросто, а, кроме того, с этого момента они оба станут вполне официальными участниками процесса. А положила руку на сердце, оно им надо? Подкидывать же информацию в «ящик для доносов», как это делают в некоторых шпионских фильмах, мягко говоря, пошло. По словам Ладонина, лично у него не было никаких обязательств перед сотрудниками правоохранительных органов, и делать за них их работу он не собирался. К тому же удовлетворение собственного любопытства, следствием которого стал выезд в Воркуту и ее окрестности, обошлось бы в весьма кругленькую сумму. И нетрудно догадаться, что менты едва ли пойдут на то, чтобы хоть частично компенсировать эти затраты.

Помимо этого в душе Ладонин искренне считал, что в подобных ситуациях добровольно сдавать ментам расклад в отношении человека, который лично ему ничего плохого не сделал, вроде как запахло. По крайней мере, малость некомфортно. Но из соображений деликатности вслух этого своего мнения он озвучивать не стал, так как реакцию Нестерова на такого рода заявления представлял себе вполне отчетливо.

Нет, убийство конкурента как способ ведения бизнеса Игорь отнюдь не приветствовал, однако при этом не так уж быстро и осуждал. В конце концов, каждый волен сам выбирать свой путь и сам оценивать целесообразность своих решений и поступков. Словом, волен во всем, но при условии внутренней готовности отвечать за эти самые решения и поступки. Именно такой, а не тюремно-блатной смысл Ладонин вкладывал в определение «жить по понятиям». Для него «жить по понятиям» означало жить по принципам. То бишь: спины ни перед кем не гнуть, ни перед кем не заискивать, говорить лишь то, что думаешь, либо то, что считаешь нужным, равно так же и поступать. Такие вот абсолютно мужские, даже военные понятия.

– ...А еще, ты сам прикинь, Сергеич! Ну куда ментам из республики Коми бодаться с господином Ребусом? Да на нем уже не одно мусорское поколение зубы обломало. В свое время Интерпол – и тот обосрался! Ребус сожрет их вместе с дерьмом и не подавится! А еще вернее – купит всех оптом и сразу. И опять-таки со всем дерьмом.

– Ч-черт, пожалуй, здесь ты прав. Знаешь, Игореша, порой ты умеешь быть чертовски убедительным. И что ты в таком разе предлагаешь?

– Мы можем не делать вообще ничего. В конце концов, это не наши игры, и с житейской точки зрения нам в них вписываться не с руки. С другой стороны, можно попробовать подсобрать материал и попытаться сторговать его заинтересованной стороне. Как ты понимаешь, в данном случае я говорю не о Ребусе (мне с ним бодаться, честно признаюсь, пока не климатит), а о ребятах из ПРБ. Лично для меня второй вариант был бы предпочтительнее. Понимаешь, у нас есть кой-какие интересы в этом регионе, и взаимовыгодный обмен предпочтениями с банком был бы очень кстати.

– Ну, здесь я тебе не помощник. Ты же знаешь, что в плане «подсобрать материал» мои возможности если не нулевые, то стремятся к нулю.

– А я и не собираюсь тебя как-то напрягать – ты со своей молодежью и так в доле.

– Это с каких щей?

– Как это с каких? Тему-то вы нарыли. Бизнес есть бизнес, так что здесь как минимум десять процентов ваших законных. И это в условных, заметь, единицах.

– Так доллар же падает, – немного не в тему брякнул бригадир.

– Чтoб у тебя так хрен стоял, как доллар падает, – засмеялся Ладонин. – Но если ты по каким-то причинам предпочитаешь родные деревянные – то за ради бога. Ну, так что? Дашь мне карт-бланш на ведение боевых действий и эксклюзивное право на новый реп-альбом господина Ребуса?

– Получай, – после некоторых раздумий согласился Нестеров и передал Игорю виновницу нынешних хлопот – зажигалку.

В конце концов, если разобраться, то ничего криминального в данный момент он не совершал. А если дело выгорит – так что ж... В кои-то веки заработать денег, особенно в свете последних семейных неурядиц, лично ему не помешало бы. Опять же, от трудов праведных не наживешь палат каменных.

Ладонин зажигалку взял, поднялся с кресла и со словами Остапа Бендера «не бойтесь, вы не в церкви – вас не обманут», убрал ее в сейф.

– Может, еще кофе?

– Спасибо, но мне уже пора на службу.

– Тебя подбросить?

– Не стоит, я как-нибудь сам.

– Ах да, я и забыл, что вы у нас, товарищ подполковник, пребываете на нелегальном положении. Ну, тогда счастливо. Да... и непременно передай мои поклоны Полине.

– Похоже, ты всерьез вознамерился вскружить девке голову, а?

– А пурква бы и не па? Или ты думаешь, что я уже достиг того предельного возраста, после которого мужчину украшают только деньги?

– Вовсе нет. Напротив, ты мужик хоть куда, в самом расцвете сил. Еще и в Красной Армии пригодишься. Не говоря о других местах.

– Вот и я так думаю, – неожиданно серьезно ответил Ладонин.

Инструктаж начали в пятнадцать минут третьего – ждать дальше было просто неприлично. По нынешним пробкам до точки, на которой следовало менять смену Пасечника, и так нужно было пилить без малого час.

А ждали Полину. Все это время сначала Паша, а затем и Нестеров попеременно набирали то домашний, то номер мобильного. Однако к первому никто не подходил, а второй всякий раз сообщал, что абонент недоступен. На Полину это было не похоже, и Александр Сергеевич тревожился, хотя вида не подавал. Дело в том, что за все время службы в «НН» Ольховская не появилась на работе без уважительной причины лишь однажды – когда в одиночку отправилась «охотиться на Ташкента». Да и то в тот раз она все же отзвонилась дежурному – попросила отгул. А вот сегодня – ни ответа, ни привета.

Дабы скрасить минуты ожидания, в какой-то момент Нестеров подумал было рассказать своим «грузчикам» об изысканиях Ладонина, толчком к которым послужила запись с зажигалки, но в последний момент решил этого не делать. Как говорится, меньше знаешь – лучше спишь. Тем более что Лямка знал о содержании записи лишь в общих чертах, а Паша, хотя и видел новостийный сюжет об убийстве в Воркуте, никак не связал прозвучавшее название «Навигатор» с ранее услышанным. Но в данном случае с него взятки гладки. В конце концов Козырев был не аналитиком и даже не опером, а всего лишь водителем. Его дело не анализировать – за дорогой следить.

Летучку провели оперативно – за каких-то пять минут, но и в таком темпе все равно успели засветиться: в комнату неожиданно заглянул Нечаев и, обведя взглядом присутствующих, поинтересовался причиной некомплекта. Так что Александру Сергеевичу с ходу пришлось врать: мол-де простудилась, заболела, температура, правами старшего смены даны денек-другой отлежаться. Словом, Ольховскую бригадир отмазал, резонно рассудив, что раздувать из-за ее отсутствия полновесное ЧП пока не стоит.

* * *

Смена пролетела незаметно, потому как пролетела она в бегах и тревогах. В бегах за объектом, который без устали таскался пешим ходом по городу Гатчина и его окрестностям, а в тревогах – за Полину, до которой вследствие ее «недоступности» все никак не удавалось дозвониться. В начале одиннадцатого вечера неполный состав «семь-три-пятого» экипажа вернулся в Контору. Здесь «грузчики» по-быстрому сдались-отписались, после чего по настоянию Паши Козырева подорвались на квартиру к Ольховской. Дабы не опоздать на метро, даже тачку поймали. Финансы на это дело, как обычно, выделил богатенький буратино по фамилии Лямин.

Телефоны Ольховской по-прежнему молчали. А добравшись до места, «грузчики» смогли воочию убедиться, что свет в окнах не горит, а на настойчивые звонки, а затем и стуки в дверь никто не отвечает. Словом, одно из двух: либо это классический загул, либо... О втором вслух предпочитали не говорить.

Устроившись на широком подоконнике дореволюционной парадной, «грузчики» устроили перекур. По причине некоторой напряженности ситуации сигаретку попросил даже некурящий Иван и уже после второй затяжки зашелся в кашле, подавившись дымом. Этот его «чахоточный» шум спугнул поднимающегося снизу человека: звук шагов внезапно оборвался, повисла долгая пауза, после чего шаги обреченно зашаркали снова.

Через пару секунд на площадке осторожно показалась готовая при малейшей опасности обратиться в бегство бабуся – три мужика, в столь поздний час курящие на родной лестнице, восторга и оптимизма у нее, понятное дело, не вызывали. Просчитав бабусино состояние, Нестеров улыбнулся и изобразил рукой примирительно-успокаивающий жест: дескать, проходи, мамаша, все нормально. Та недоверчиво покосилась в их сторону, тихонечко, бочком-бочком, прошмыгнула наверх и спешно принялась греметь ключами, открывая соседнюю с квартирой Ольховской дверь. Александр Сергеевич заинтересовался таким совпадением (в конце концов – а чем черт не шутит?):

– Извините, вы сегодня случайно соседку свою не видели?

– Это какую? Полину, что ли?

– Точно. Так вы знакомы?

– А чего ж... Девушка ладная, скромная, тихая. С такими вот оболтусами дружбы не водит.

– Это с какими «такими»? – спросил Лямка.

– А с такими, которые по ночам по чужим подъездам шастают, водку пьют, всяко-разно безобразят и мусорят.

– Наговариваете вы, бабушка, на собачку, – вступил в разговор Паша, процитировав одну из любимых присказок бригадира.

– Ша, молодежь, дайте мне спокойно с человеком поговорить... Так все же, насчет Полины? Видели ее сегодня?

– Видела. А что?

– Когда? В смысле, во сколько? Где? – встрепенулся Нестеров.

– Уж больно ты прыткий. Прямо как милиционер. А почему это я должна тебе докладывать? Может, вы мазурики какие, откуда я знаю?

– Да я и есть милиционер. Вот, смотрите, мое удостоверение.

– А ну, стой где стоишь! – прикрикнула бабуся на невольного двинувшегося к ней бригадира и взялась за ручку двери с явным намерением в случае чего юркнуть внутрь. – Оттуда показывай. У меня зрение пока еще, слава богу, молодые завидуют.

– Стою, показываю, – вздохнул Нестеров и развернул корочки.

Судя по подслеповатому прищурю, бабуля несколько преувеличивала свои офтальмологические показатели. Однако пролетарский цвет удостоверения ее немного успокоил – Нестеров уже не раз подмечал, что многие старики до сих пор с уважением относятся ко всему красному.

– Никак, с ней случилось что? С Полиной-то?

– Еще нет, но если вы не ответите на наши вопросы, может, и случится.

– Ужас, какие времена настали. Страшно из дому выходить. Того и гляди ограбят.

А то и похуже, насильничают ироды.

Паша и Лямка приснули со смеху, представив себе сцену столь варварского обхождения со старушкой.

– Где и во сколько вы сегодня видели свою соседку? – потеряв терпение, рыкнул бригадир.

– В первом часу. Я как раз во дворе на лавочке сидела, когда она из дому вышла. Поздоровалась, пошла в арку. А там ее какой-то парень уже ждал, давно ждал, я его еще раньше заметила. Взял ее под локоток, к машине повел, сели и поехали себе.

– А что за парень? Вы его раньше здесь видели?

– Вот уж не знаю, может, и видела. У нас тут много таких ошивается, и все на одно лицо: круглые, стриженные, на машинах.

– А что за машина?

– Нерусская. Черная.

– А номер случайно не запомнили?

– Да куда там! Кабы я знала, что надо запомнить. А так... Думаешь, мне больше заняться нечем?

– А вот парень, который Полину встретил, он куда сел? За руль?

– Не, за рулем там какой-то другой был, а они вдвоем сзади сели. Сначала Полина, а потом уж и этот залез.

– Больше ничего интересного не заметили?

– За ними больше ничего. А вот в семнадцатую квартиру опять наркоманы ходить повадились. Уж сколько раз этого Лешку ваши забирали, а все без толку – ходят и ходят.

– ...И ходить будут, – нехстати продолжил Лямка, вспомнив известную рекламу.

– Конечно, с такой милицией каши не сварить, – ехидно парировала бабуля.

– Ладно, мамаша, извините, что потревожили, – подытожил разговор Нестеров. – Спасибо вам за информацию. Все, пошли, ребята, похоже, здесь нам больше ловить нечего.

Бригадир зашагал вниз, и вслед за ним потянулись Павел с Иваном.

– А окурочки за вами кто подбирать будет? – крикнула им вслед бабуля и довольная собой скрылась за дверью. Роль «важного свидетеля» ей очень понравилась – какое-никакое, а все ж развлечение...

Едва «грузчики» вышли на свежий воздух, который этой осенью был как-то совсем не по-октябрьски холоден и свеж, Паша не без нотки металла в голосе обратился к бригадиру:

– Александр Сергеевич, надо звонить Камышу. Это он.

– С чего вдруг такие умозаключения?

– Больше некому, – уверенно сказал Паша. – «Круглый, стриженный, на черной иномарке» – все сходится. Это он Полину куда-то увез.

– Да ни хрена не сходится! Тоже нашел приметы. «Многие парни плечисты и крепки, многие „мерсы“ имеют и кепки...» Камыш, между прочим, машину всегда сам водил.

– А может, он за это время успел личным водителем обзавестись? – не унимался Козырев.

– Может, успел – может, не успел. Это все вилками по киселю писано. Хорошо, допустим, это Камыш. Позвоним мы ему сейчас и что? Спросим: слышь, брателло, Полина часом не с тобой? Если Полина действительно с ним, я бы на его месте в ответ на такой вопрос послал бы нас далеко и надолго. А если нет, то...

– ... То будем считать, что одну версию мы отработали, – из чувства солидарности вступился за Пашу Лямка.

– Блин, еще один Херлок Шолмс выискался, – крикнул Нестеров. – Короче так: впутывать в эту историю Женю Камышина мы не будем. По крайней мере, пока – не будем. Всем ясно? Так что сейчас все быстренько разбегаемся по домам – лично у меня через двадцать пять минут закрывается переход на «Техноложку». И вообще, как говорит великий русский народ, утро вечера мудренее.

– А если она и утром не появится? – спросил Лямин.

– Тогда, как это и положено по инструкции, докладываем начальству, получаем пиздюлей за то, что не поставили в известность своевременно, то бишь сегодня, и начинаем массированные поисковые мероприятия с привлечением служебных собак и экстрасенсов. Все, штык в землю, пошли.

Бригадир, а вслед за ним и Лямка двинулись к арке, однако Козырев остался стоять на месте.

– Александр Сергеевич, вы с Ванькой езжайте, а я здесь еще немного побуду, подожду. Вдруг она все-таки скоро появится?

Нестеров внимательно посмотрел на Пашку, понял, что переубедить его будет сложно, и махнул рукой.

– Ну, хозяин-барин. Хочешь – оставайся, жди. Только смотри, без этих твоих... авантюр. Да, и не забудь, завтра с девяти выставляем, чтоб как штык...

– Конечно.

– Тогда счастливо. Все, Лямка, пошли.

Иван замялся и после некоторой паузы нерешительно выдохнул:

– Паш, хочешь, я с тобой останусь? Чтоб тебе одному скучно не было?

– Не надо, Вань, спасибо. Я сам.

– Ну, тогда пока.

Они с бригадиром снова направились в сторону метро, но, пройдя шагов десять, Александр Сергеевич обернулся и крикнул вдогонку Козыреву:

– Пашка, если ты ее все-таки дождешься, обязательно отзовись мне. Сразу же отзовись, в любое время. Понял? И чтоб все как есть рассказали. Соврете – все равно узнаю...

К переходу на «Техноложку» Нестеров успел. А вот добраться в такое время из «Автово» на Юго-Запад было проблематично – общественный транспорт практически не ходил, а на частника явно не хватало денег. В конце концов бригадиру удалось тормознуть шальную маршрутку. Он забрался в салон и вместо оплаты продемонстрировал подполковничью ксиву. Проканало: водитель, судя по внешнему виду – таджик-нелегал, предпочел с ментом не ссориться и со свистом доскакал на своей «газели» чуть ли не до самой Нестеровской парадной.

Александр Сергеевич выгрузился, глянул на часы и задался сакраментальным вопросом: «Что делать?» Второй час ночи, дома, естественно, не ждут, а посему лишние десять-двадцать минут роли все равно не играли: что так, что эдак – все одно ответ держать. Короче, имелись все предпосылки к тому, чтобы взять на последнюю удачно «сэкономленную» двадцатку бутылку пива и малость помедитировать под звездным небом. Опять же и старая ментовская мудрость советует: «Лучше брюхо от пива, чем горб от работы».

Так он и поступил. На самом деле, положив руку на сердце, Нестеров просто не мог вот так вот пойти домой и лечь спать. Тревога за Полину нарастала, и бригадир, так же как и Пашка час назад, продолжал себя накручивать, не теряя при этом надежды, что вот-вот раздастся долгожданный звонок и все прояснится, утрясется, уладится. Он даже сочинил краткий, но содержательный диалог, который состоится между ним и виноватой Ольховской. Определился бригадир и с наказанием, которое последует отнюдь не сразу, а лишь через пару дней, в течение которых он будет лишь сухо общаться с нею (исключительно по работе!), а все остальное время многозначительно и обиженно молчать. Изобразить такое молчание было делом нетрудным: пример собственной жены – лучшая школа.

Буквально с последним глотком пива звонок действительно раздался, и на телефоне действительно высветился номер Полины. Нестеров уже открыл рот, чтобы произнести заранее заготовленный спич, однако взволнованный, сбивчивый голос Ольховской его опередил:

– Александр Сергеевич, это Полина. Я... Вы только не волнуйтесь, я жива и здорова, со мной все в порядке. Мне дали возможность сделать один звонок. Сейчас я передам трубку, с вами будут говорить.

– Кто будет говорить? Где ты?

– Неважно где и неважно кто, – ответил бригадир незнакомый мужской голос. – Мы пригласили Полину... э... Валерьевну в гости, и она любезно приняла наше приглашение. Смею вас заверить, что обращаются с ней очень хорошо. Хотя, к последнему, увы, вынужден добавить слово «пока».

– Кто вы и что вам от нее нужно?

– Мы искренне надеялись, что Полина Валерьевна проконсультирует нас по одному весьма деликатному вопросу. Однако она утверждает, что абсолютно не в курсе произошедшего, причем делает это весьма убедительно... Словом, мы предлагаем вам подъехать и прояснить парочку моментов, чтобы окончательно закрыть этот вопрос.

«Красиво излагаешь, с-сука, – отметил для себя Нестеров. – Вломить бы тебе, да промеж зубов».

Но вслух он, естественно, сказал другое:

– Куда и когда я должен подъехать?

– Ну, скажем, через час... Вы ведь на Юго-Западе живете?.. («Ай, молодцы! На ходу подметки рвут – даже адрес мой смогли вычислить».)

– Вам следует подъехать на площадь Победы к памятнику. К тому, который «стамеска». Там вас встретят.

– Хорошо, я буду там через час.

– Надеюсь, мне не следует говорить, что вы не должны ставить в известность об этой поездке свое милицейское начальство? Равно как и то, что вы должны приехать один?

– Хорошо, я не буду ставить в известность и приеду один.

– Замечательно. И еще один момент – не затрудняйте себя излишними хлопотами. Не стоит пеленговать мобильный телефон Полины Валерьевны. Уверяю вас, ни к чему хорошему это не приведет и лишь затруднит наше дальнейшее общение. Договорились?

– Договорились. Свои спутники и локаторы я оставлю дома под подушкой.

– Приятно, что даже в таких ситуациях вас не покидает чувство юмора. Ну, тогда до встречи. Ах да... И не забудьте захватить с собой зажигалку.

– Какую зажигалку?

– Если вы хотите, чтобы наша встреча прошла в теплой и дружеской обстановке, я думаю, вам не составит особого труда догадаться, какую именно зажигалку вам следует привезти. До встречи...

Операцию по похищению Полины Сергей Гаврилович Завьялов поручил провести Гене Шебардину, на днях вернувшемуся из Воркуты. Люди Ладонина копали в правильном направлении – Шеба действительно был одним из двух варягов, которые выходили на Штрипкина с предложением о продаже акций «Навигатора». Вторым был Валера Россомахин, выступавший на этих переговорах в роли статиста и одним своим внешним видом демонстрировавший серьезность намерений покупателей.

А вот в момент убийства Белова Россомаха играл уже первую скрипку (вернее, первую винтовку), а Шеба, проведший перед этим ряд мероприятий организационного порядка (распорядок дня жертвы, выбор места, времени, пути отхода и прочее), к тому времени благополучно свалил в Питер, обеспечив себе, пусть и не стопроцентное, но алиби.

Кстати, в какой-то степени вина за убийство вице-президента «Навигатора» лежала на московском сыщике Кириллине и на питерских оперативниках, задействованных в операции «Техосмотр». Не доглядели они за Валерой Россомахиным. Да что там не доглядели – просрали! Согласно плану операции, пост за Валерой планировалось выставить за пару дней до конца оплаченного им срока проживания в отеле «Кристофф», а Россомаха возьми да и свали из города на несколько дней раньше. Запоздалые опросы портье и дежурного администратора ничего не дали – утром постоялец, как обычно, позавтракал, затем сдал горничной ключ от номера, вышел в город, а вечером в отеле не появился. Но поскольку деньги были заплачены вперед, то его отсутствием никто особо не озаботился – мало ли где может загулять человек? Тем паче в Питере – городе контрастов и соблазнов. Словом, опять облажались, только «жучков» понапрасну извели.

Успешная ликвидация вице-президента «Навигатора» серьезно подправила карму Шебардину: сначала он был удостоен личной благодарности Ребуса, а затем уже Завьялов поручил ему разобраться с ментовской «наружкой», выделив на это дело весьма щедрый аванс. Заниматься лично столь неблагодарной темой, как похищение человека (тем более мента!), Шебардину было стремно. Да и по статусу не положено. Потому-то Шеба и отрядил на это дело Володю Кантонистова по прозвищу Лень.

Володя Кантонистов был человеком глубоко ироничным, с тонким постимпрессионистским взглядом и с медленно-жирافьим движением головы «а-ля, куда-хошь» (при этом про Гогена он слыхом не слыхивал, да и Вагановку не заканчивал). Кантонистов был питерский, но очень давно связался с сибирскими татарами (была такая группировка). А как связался – так и откололся от своих, и это ему очень понравилось.

Свое прозвище Володя заработал еще в 1989 году, когда в ходе облавы из багажника его «Шкоды» изъяли пушку-пулемет с военного самолета. На фига она ему была нужна и на фига это нужно было ментам – непонятно. Но когда здесь же, прямо на капоте, Володе предложили подписать акт изъятия, он отмахнулся: «Лень!»

– В конец оборзел?! – заорал на него опер.

– Так у вас же сейчас в отношении меня предварительные действия, – пояснил Володя. – А это железо мне необходимо для окончательных...

Братва заржала. Кантонистову накостыляли. А кличка «Лень» приклеилась...

Тема с «бабой-ментом» Володе понравилась не шибко. По своему многолетнему опыту он знал, что работа с особями женского пола частенько чревата осложнениями. Как-то: следами, истериками, обмороками, выкидышами и тому подобной суетой. Но раз надо – значит, надо. Сама по себе разработанная схема похищения была проста. Можно сказать, классически проста и придумана еще писателем О'Генри: «Эй, мальчик! Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?» Приблизительно так и поступили.

С утра Лень с товарищем прозвонились в квартиру Ольховской, убедились, что объект дома, и заняли выжидательную позицию во дворе. Когда Полина вышла из парадной, Лень подошел к ней, крепко взял под локоток и ласково шепнул на ушко: «Не рыпайся,

сучка! Будешь кричать – завалю! Пойдем – покатаемся». Полина была так напугана, что даже если бы решила закричать, то все равно вряд ли смогла. На ватных ногах, под ручку со своим новым «кавалером», она прошла к ожидавшей их серебристой «Вольво» и безропотно залезла на заднее сиденье. После чего всю дорогу от Петроградки до Шушар в ее голове неотвязно вертелись лишь две нехитрые мыслишки: «Что это за люди?» и «Как бы не опистаться со страху, а то потом стыда не оберешься».

Призрачные надежды Ольховской на сотрудников ГИБДД себя не оправдали – машина благополучно миновала все заградительные кордоны и остановилась в частном секторе поселка Шушары, рядом с небольшим дачным домиком, примечательным разве что двухметровым сплошным забором. Полину провели на чердак с маленьким слуховым оконцем под потолком, отобрали сумочку, мобильник и, предварительно проинструктировав на предмет соблюдения тишины, закрыли, оставив в одиночестве.

Ближе к вечеру к дому снова подъехала знакомая «Вольво». Из нее вышли трое мужчин, в одном из которых Ольховская узнала их недавнего объекта «Жорика». Лишь теперь Полине стало окончательно ясно, что похитили ее отнюдь не сексуальные маньяки и не торговцы человеческими органами. Но осознание это было сродни народному «хрен редьки не слаще», а потому если и утешило, то лишь самую малость.

А затем около часа с Полиной один на один беседовал Завьялов. По итогам беседы Сергей Гаврилович вынужден был признать, что дал маху и слегка ошибся в объекте. Ольховская, которой Паша с Иваном по просьбе Нестерова ничего не рассказали о своей находке, искренне не понимала сути задаваемых ей вопросов, в частности, о какой-то зажигалке идет речь. И через некоторое время Завьялов понял, что в данном случае ей можно верить.

Усомнись он хоть на секунду в том, что Полина недоговаривает либо что-то скрывает, в ход могли пойти другие, более действенные методы. Например, иголки под ногти, порезы бритвой по лицу, наконец, групповое изнасилование. Однако сейчас это было явно лишним. По крайней мере, преждевременным. Завьялов оставил Ольховскую в покое и, поразмыслив, решил, что в сложившейся ситуации лучше всего будет сыграть... на благородстве. Ежели, конечно, таковое отдельным ментам еще присуще. Ну, а если нет – то «мы пойдем другим путем». Правда, девочке при таком раскладе придется немного помучиться.

Решив так, Завьялов попросил Шебу подтянуть к дому «Лень и его команду», а сам набрал мобильный номер Нестерова, предусмотрительно занесенный в изъятую записную книжку Полины.

* * *

В первые секунды после телефонного разговора Нестеров испытал нечто вроде психологического шока. Однако времени на то, чтобы падать в обморок, равно как на анализ и прокачку ситуации, катастрофически не оставалось. Так что бригадир скоренько пришел в себя (в том числе, путем произнесения сложноподчиненного бранного предложения) и с остервенением принялся давить на кнопки, набирая номер Ладонина.

– ...Кто бы это ни был, но если меня разбудили из-за какой-нибудь херни, то обещаю, что при ближайшей встрече он огребет по самое «не могу», – раздраженно откликнулся Игорь после двенадцатого или пятнадцатого сигнала.

– А если это звонят из Администрации Президента? – не смог не сыронизировать Нестеров.

– Мне по барабану. Хоть из Президентии Администратора. Сергеич, ты? Какого черта?

– Игорь, у нас серьезные проблемы. Похитили Полину.

– Твою мать!! – мгновенно проснулся Ладонин. – Кто?!

– Не знаю, они не представились. Но, скорее всего, люди Ребуса. Через час мне назначили встречу на площади Победы. Я звоню тебе, потому что мне велено приехать на встречу с зажигалкой. С той самой. К тому же у меня в карманах ни копейки – как буду добираться, хрен его знает.

– Ты сейчас где?

– На улице, около своего дома.

– Стой, где стоишь. Скоро буду у тебя.

– Подожди, Игорь. Тут такое дело: похоже, у этих ребяташек есть мой адрес, не исключено, что за мной сейчас могут наблюдать. Поэтому сделаем так: я двинусь дворами к Ленинскому, выскочу в районе проспекта Стачек и подтянусь к кабачку «Форель», в котором мы с тобой однажды сживали. Помнишь?.. Конечно, может, никакого хвоста и нет, но в такой ситуации подстраховаться не помешает.

– Хорошо, понял тебя. Через полчаса я там буду...

Минут за семь Нестеров безо всяких приключений добрался до «Форели» – хвоста за ним не было. Вернее, так – если хвост все-таки был, то это означало, что бригадиру самое время собираться на пенсию. В течение следующих двадцати минут Александр Сергеевич умудрился скурить все оставшиеся у него сигареты. Денег на новые, пусть и самые дешевые, уже не хватало – теперь хочь плачь, хочь прохожих грабь, а хочь беги в 64-й отдел милиции, который тут неподалеку, в соседнем дворе. Поразмыслив, из трех вариантов по обстановке Нестеров выбрал первое. Но «заплакать» не успел – взвизгнув тормозами, из темноты вынырнул «Лендкрузер» Ладонина.

Игорь вылез с передней пассажирской парты – значит, приехал не один. Нестеров всмотрелся и в фигуре водителя, тщательно скрытой ночной темнотой и тонированными стеклами, умудрился-таки различить Саньча, главного «особиста» Ладонина, с которым до сих пор судьба сводила его лишь однажды – в день смерти Ташкента.

– Ну?! Рассказывай! – безо всяких прелюдий начал Игорь.

– Курить есть?

– Держи, – Ладонин протянул бригадиру пачку «Парламента». – Рассказывай.

– Может, выдвинемся поближе к Московской?

– Говори. Время есть. Здесь всей езды-то минут пять, не больше.

Бригадир бросил взгляд на часы, кивнул, дрожащей от волнения рукой выудил из пачки сигарету, затянулся и начал рассказывать. Постепенно монолог Нестерова перешел в диалог, а затем и вовсе вылился в откровенную перебранку, к которой, почувствовав витающее в воздухе напряжение, подключился и Саньч.

В общей сложности «говорильня» продолжалась минут пятнадцать, и по ее результатам победу, пусть и не чистым нокаутом, а по очкам, одержал Ладонин. То бишь, как этому ни противился Нестеров и как ни протестовал против такого развития событий Саньч, за основу приняли сценарий, с колес сочиненный Игорем. (А кто бы, собственно говоря, сомневался?)

На сем и порешили, а порешив – сели в «Крузер» и подорвались на площадь Победы: до часа X, на который «бандиты назначили встречу», времени оставалось, как говорится, с гулькин... хвост.

Как и положено «реальным пацанам», на стрелку приехали «чики-чики», ровно минута в минуту. Нестеров хотел вылезти из машины и пойти прямо к памятнику героическим защитникам города, но Ладонин, который уже вошел в им же сочиненную роль, его не пустил: дескать, сиди жди, когда надо будет – сами объявятся. В томительном ожи-

дании прошло минут десять, после чего мобильник бригадира наконец подал голос. Номер был закрыт, на этот раз звонили не с трубки Ольховской.

– Нехорошо, Александр Сергеевич, мы вам доверились, а вы... Нехорошо, – голос был другой, но опять же бригадиру незнакомый. Хотя, если бы в данный момент Нестеров каким-то образом мог увидеть говорившего, он, как пару часов назад Полина, узнал бы в нем Шебу, сиречь Гену Шебардина. Вернее так: узнал бы не Шебу, а связь «Жорик», которую «грузчики» маханули пару недель назад.

– А что я?

– А вы слово свое, офицерское, заметьте, нарушили. С компанией приехали.

В этот момент Игорь перехватил у Нестерова телефон и с уверенно-жесткой интонацией сказал:

– Слышь, ты, человек-невидимка, это Ладонин говорит. Знаешь такого?.. Если нет – поспрошай у своего старшего, он тебя просветит... Короче, эти менты на меня работали. Если с ними какие проблемы возникли – с меня спрос. Вот только хотелось бы знать, кто спрашивает? Так что передай своей Гюльчатай, пусть личико-то откроет. А то общаться некомфортно.

На том конце «беспровода» ненадолго задумались, после чего, так и не произнеся больше ни слова, отключились.

– Ты что наделал, Игорь?! С ними нельзя так! – психанул Нестеров.

– Не ссы, Сергеич. Только так с ними и можно, и нужно, – невозмутимо ответил Ладонин.

Поняв, что спокойный тон Ладонина бригадира не успокоил, доселе молчавший Саныч подал голос с водительского сиденья:

– Не волнуйтесь, Александр Сергеевич, Игорь взял правильную интонацию. Они сейчас перезвонят.

«Сейчас» длилось еще минут пять и обошлось Нестерову в пару выкуренных сигарет и несколько десятков поседевших волос. На этот раз на входящий звонок Ладонин ответил сам:

– Слушаю.

– Игорь Михайлович? – тональность голоса звонившего была уже несколько иной, как минимум, более уважительной.

– Я.

– Мы так понимаем, что переговоры будете вести вы?

– А вот я так ни хера не понимаю, с кем, а главное, о чем я должен вести эти, как вы называете, переговоры. Но, допустим, я заинтригован и согласен. Что дальше?

– Вам нужно выйти из машины и пойти по правой обочине Московского шоссе. Прямо по ходу справа будет церковь. Там вас встретят.

– Вы там что, совсем с головой не дружите? Кина про Штирлица насмотрелись? Может, мне еще в каждую руку по горшку с фикусом взять?.. Между прочим, на улице слякотно, а у меня новые ботинки.

– Не волнуйтесь, Игорь Михайлович, идти придется совсем недалеко, – невидимый абонент явно нервничал. – Извините за некоторое неудобство. Надеемся, что мы сможем быстро уладить возникшее между нами недоразумение...

– А не пошли бы вы в жопу вместе с вашим недоразумением!.. Ладно, считайте, что вы меня от души повеселили. Все, встречайте меня ночным дилижансом...

Ладонин отключил телефон, притушил сигарету и открыл дверцу «Крузера»:

– Все, братва, я двинул.

Игорь сделал ручкой Нестерову, вылез наружу и не спеша побрел через дорогу строго в соответствии с заданным ориентиром.

Александр Сергеевич не усидел и вслед за ним выбрался из прокуренного салона на воздух. Через какое-то время вышел и Саныч. От курева к горлу и так уже подступала тошнота, однако Нестеров все равно полез за очередной сигаретой. Так ему было легче.

– Авантюрист, мать его, – недовольно процедил Саныч, все существо которого сейчас протестовало против этой, абсолютно идиотской, с его точки зрения, выходки босса. Но приказ есть приказ, и это было единственное правило, которое Саныч безоговорочно принимал. Принимал потому, что много раз именно оно спасало ему жизнь в забытом Богом, проклятом Аллахом и цинично кинутым Москвой далеком киргизском гарнизоне. – Хорошо еще, что не в Японии живем.

– В каком смысле? – не понял Нестеров.

– Если с ним что-нибудь случится, мне не придется делать себе харакири.

– Думаешь, так плохо?

– Нет. Просто думаю, что ничего хорошего.

В этот момент к перешедшему шоссе Ладонину, взвизгнув тормозами, залихватски подкатила спортивная «Ауди». Задняя дверь распахнулась, и из нее на свободу вырвался речитатив черного уличного рэпа.

– Это они? – чуть вздрогнув, спросил Нестеров, инстинктивно подавшись вперед.

– Погоди-ка, – притормозил его Саныч и всмотрелся.

– Ай да Игорь, ай да сукин сын, – пробормотал он пару секунд спустя.

– Что? – не понял его Нестеров.

– Я говорю, эта нога – у кого надо нога.

– Так это *ваши*? – внезапно догадался бригадир.

– Наши, наши. Вернее, ничьи. Обормоты местные, Утюг с Севером. А шеф, блин, тоже хорош. Мог бы предупредить, между прочим...

Два «брата-акробата» – Север с Утюгом, появились в нужное время в нужном месте, конечно, не случайно. Получив первичную, абсолютно неконкретную, но тревожную информацию от Нестерова, Игорь первым делом поднял в ружье своего верного консье́ра Саныча. Но, как выяснилось теперь, не только его одного.

Ладонин знал, что на подобного рода мероприятия подъезжать одному – правильно. По молодости он так и поступал, но то, как говорится, было «на пасху». То были сумбурные стрелы, где такие манеры обескураживали и успокаивали. Хотя и тогда, по правде сказать, с ним всегда была парочка парней, переписывающих номера автомашин противника. Однако сегодня приезжать одному на площадь Победы было неправильно. Во-первых, действительно опасно (увезут, как Шарапова, а вдруг в этот раз Левченко под рукой как раз и не окажется?). А во-вторых, хотя и ждут на стрелке одного, но ждут-то мента! А придет он. А в то, что при нынешнем его статусе он причалит один, та сторона все равно не поверит. Брать же с собой на стрелку Саныча было стратегически неверно. Тот хорош в сражении под Прохоровкой или в боях на озере Хасан, а тут малехо другой расклад, гамма чувств другая. Здесь «щетильнее надо».

Короче, Ладонину нужно было привести хоть кого-то, но своего. И тогда Игорь позвонил Утюгу. Почему именно ему? Да потому что другим позвонишь – помогут, но потом: дай ложку – дай говна – сам попробуй... Утюг, он тоже всегда попросит, но ему помочь... приятней. А потом, они с Севером вне бывших коллективов. А коллективы, золотые цепи и кожаные куртки Ладонину уже поперек глотки встали.

(Игорь уже очень давно не носил цепи и кожу. Помнится, как-то на Елисейских полях он примерил кожаную куртку, долларов эдак за две тысячи, которую ему навязывала его девушка, но потом выбежал из магазина со словами: «Все! Отвоевался! Моя гимнастерка к твоим звездам! Носи сама эту спецодежду!» Девица, естественно, ничего не поняла.)

Ладонин принял решение и набрал семь цифр, которые Утюг продиктовал ему в «обезьяннике» вспухшими после разминки в кафе губами.

– Бон джорно.

– А, Марчелло Засипаторович, – мгновенно узнал Утюг, у которого всегда (парадоксально – но факт!) было веселое настроение. – Ты никак в «Де Фэ»? Мы поняли – тебе скучно! Продержись минутку – шас будем!

Стало ясно, что они с Севером вдвоем. Фоном к разговору служила музыка, но музыка приятная. Словом, господа изволят отдыхать.

– Андрюха, действительно нужна ваша помощь, – с усилием прекратил улыбаться Ладонин.

– Что, так серьезно? Можешь говорить? – насторожился Утюг. Старое бессознательное резко всплыло в его заархивированной памяти.

– Не все так плохо. Но поболтать бы надо. Срочно...

Утюг и Север подъехали мигом. Даже быстрее, чем Саныч, хотя тот по молодости выбегал стометровку из пятнадцати секунд. Оба были серьезны. Они выслушали Ладонина и не стали задаваться вопросом: «А мы-то здесь при чем?» Вообще, таких парней иногда называют «бегущими впереди паровоза». А все потому, что им просто нужно и душевно комфортно помогать своему. Здесь в слово «свой» каждый вкладывает свое внутреннее состояние.

Да и руки, что греха таить, порой все еще «скучают по штурвалу».

На небольшой заасфальтированной площадке рядом с церковью Святого Георгия Победоносца (эдакий современный новодел – пародия на храм Христа Спасителя в миниатюре) Ладонина уже ждали. Чуть поодаль, невзирая на столь поздний час, беззаботно оттачивали мастерство подростки-скейтбордисты. Пацаны лихо гоняли на своих досках и даже представить себе не могли, что в данный момент находиться в этом месте может быть весьма небезопасно.

Лень Игорь узнал сразу. Он не участвовал в той эпохальной облаве, однако историю Кантонистова знал, как знал и самого Володю. Знали его и Север с Утюгом. Да, в принципе, все они знали друг друга в лицо. Все те, которые не захотели умирать в середине девяностых.

Ладонин шел «революционно» – так в старых фильмах ходят недовольные директора крупных заводов. Его приятели двигались сзади не столь быстро, при этом в их походке чувствовалась старая закваска. Чуть шершавя асфальт, мягкие шаги Утюга и Севера, казалось, шептали: «Мы к жесткости не стремимся, но и бежать от нее не собираемся».

Кантонистов, естественно, тоже был не один. Неподалеку стояли его люди, причем один из них держал в руке огромную спортивную сумку. Нетрудно догадаться, что в ней лежала как минимум помповуха, а может, и чего посолидней. Словом, по всем канонам встреча была правильной.

Лень и Ладонин сошлись. Руки они друг другу не подали, а лишь незаметно кивнули. По всем неписаным статусам и иерархиям Ладонин был выше, а потому держал фасон и кивнул незаметней.

– Был бы жив Руслан, огорчился, узнав, что народ в таких местах стрелки забивать начал. Святотатство чистой воды².

Лень проигнорировал эту ладонинскую фразу и с поволокой в глазах спросил:

– Извини за вопрос: что, в контору теперь и судимых брать начали?

² В данном случае Ладонин намекает на питерского «авторитета» Руслана Коляка, застреленного в 2003 году. В последние годы жизни тот очень гордился своей набожностью.

– Куда мне. Просто сейчас народные дружины возрождают. А мне с детства страсть как хотелось перед девками повязочкой с буквами покрасоваться.

– А эти? – повел шеей Кантонистов в сторону Утюга и Севера.

Утюг услышал: «Эти», усмотрел высокомерие и подскочил к собеседникам.

– Вова, ты чо вознесся-то?! Хорошему тону разучился?! Я, между прочим, давно мирный селянин, в воровских мастях путаться стал. А ну как хлестану по хавелле? Терки по крыткам пойдут, воры астраханские на больничках гуртоваться станут...

Кантонистов мудро заулыбался, а Север, который был одет под стать гарлемским баскетболистам, заметил краем глаза приближающихся к громкоговорящему Утюгу двоих и мгновенно перерезал им дорогу:

– Парни, у меня дышалка уже не та.

– А при чем здесь дышалка? – спросил один, тот, что помоложе.

– Видишь, какой здесь парк огромный, – Север повел рукой, обозначив пространство. – Ну куда мне за вами бегать – я ведь старенький уже. Давайте лучше поболтаем за так. Расскажите мне, к примеру, о телках. А то я теперь живу четенько – жена, постоянная любовница, никаких стриптизерш...

Прикрытие Кантонистова почувствовало исходящие от Севера силу и спокойствие и тоже разулыбалось. Сам Лень ничего Утюгу не ответил, посему тот еще малость агрессивно помялся и отошел. Хотел, было, перед этим сплюнуть, но не сплюнул.

– А он не изменился, – произнес наконец Кантонистов. – Сейчас так разговаривать негоже.

– А людей похищать, очевидно, гоже? Девушка где? – перебил Ладонин.

– Где зажигалка? – переспросил Лень.

– Вот, – Ладонин вынул ее из кармана и протянул Володе.

– Девушка недалеко, с ней все в порядке.

– Последнее мог бы и не говорить. Ведь это само собой, – спокойно рассудил Игорь и неожиданно гаркнул: – Верно?!

– Не ори так, – поморщился Лень. – Я неделю назад на Красном море с аквалангом нырял – уши попортил.

– А что, на Доминиканы не наворовали?

– Вот что! – сорвался Кантонистов. – Отца интересуешь, откуда хвост нарисовался. Заказчик кто?

– Ты никак батьку нового себе завел? И с чего это вдруг люди говорят, что родителей не выбирают? Ладно, Лень, мы люди взрослые. Стоим тут – ерничаем, – Ладонин вдруг занервничал, запнулся и закусил губу. – Короче, о морали не будем.

– Не будем, – согласился Володя. – Мы ведь сильнее.

– Это в чем?

– А в том, что мы готовы жестко поступать. Готовы к тому, что и в отношении нас будут поступать так же.

– А мы нет? – уперся злым взглядом Ладонин.

– А вы уже нет, – отмахнулся Лень.

– А может, вы просто больше ничего делать не умеете? Рассказать историю про то, как несколько генетиков задумали нового человека сотворить? Короче, собрались они и решили подражать Богу. Один смастерил косточки, другой плоть, третий влил кровь, а четвертый, самый ученый, вдохнул душу. И появился тигр. Сначала появился, а потом взял и всех их съел.

– Менты из «наружки» чьи были? – перебил Володя, который терпеть не мог все эти философские сопли.

– Мои. Вернее, я платил за банкет.

– Допустим, – отчасти поверил Кантонистов. – Каковы гарантии отсутствия дубликата пленки?

– Ты же сам сейчас объяснил, что мы не способны к удару кирпичом из-за угла.

– Я не так говорил. Я сказал, что вы не готовы. «Уже» – не готовы.

– И? – спросил за Полину Ладонин.

– Ее сейчас привезут. А когда привезут, тебе придется проехать с нами. Надо о деле поговорить.

Ладонин промолчал, прекрасно отдавая себе отчет в том, что согласится. Игорь обернулся – чуть поодаль Север прогуливался взад-вперед с одним из людей Кантонистова и воодушевленно что-то ему втирал. Этим «что-то» был анекдот. А анекдот был таким: «Молодую братву привели на экскурсию в Палеонтологический музей. Пацаненок говорит пожилому экскурсоводу – ветерану РУБОПа: „Представляю, товарищ Пронин, как вы должны были бояться этих чудовищ, когда были маленьким“».

Парень Кантонистова, который все это время поглядывал на своего старшего, вежливо улыбнулся, но было видно, что до него не дошло. Тогда Север с ходу выдал еще один рассказик: «Молодую братву привели... на этот раз уже в зоопарк. „Скажите, этот слон – самец или самка?“ – спросил один. „Дитя мое! Это должно волновать только другого слона“, – ответил ему работник зоопарка».

– ... Не слышу ответа, – поторопил Ладонина Лень.

– Не вижу Полины, – отозвался Игорь.

Лень достал мобильник, набрал номер: «Вы рядом?.. Нас видите?.. Приведите девушку».

Полина появилась почти сразу. Ладонин пошел к ней навстречу. Обниматься не стали. Игорь внимательно осмотрел ее, увидел, что с ней все более-менее в порядке, и тихо приказал: «С моими товарищами поезжай на площадь. Там Нестеров. Выпейте где-нибудь кофе и подождите меня. А я еще немного пообщаюсь с этими уважаемыми». Он говорил так, что Полина не стала переспрашивать. Она даже не поблагодарила его за чудесное спасение, а лишь кивнула: «Конечно, как скажешь». И едва не добавила: «... милый».

Ладонин скоренько перекинулся парой фраз со своими орлами. После этого Север с Полиной направились к машине, возле которой собралось с пяток молодых пацанов на роликах и скейтах. В данный момент они больше осматривали машину, чем катались.

– Осторожно, дальше Бронкс! – сказал Север, шутливо потеряв одного из молодых по затылку, и втиснул Полину на заднее сиденье «Ауди».

Вскоре подошел и Утюг. Он малость подзадержался, потому как лично попрощался со всеми парнями из команды Кантонистова. Выглядело это так: Утюг поочередно жал руку каждому, ни на секунду не переставая балагурить: «Удачи, братан! Береги себя, а то, смотрю, у тебя морщины под глазами. Я парфюмом приторговываю, поэтому заходи – подберем что-нибудь»; «Рад был познакомиться! Надо же, какая смена вымахала! Только штаны, брат, смени – коротковаты они тебе»; «Извини, что не подрались! Слушай Глюкозу – классные песни!»... Что тут говорить – конечно, такие парни, как Утюг и Север, легко могли подавить смурную и искусственно зажатую молодежь Ребуса.

– ... А со мной поручкаться? – не выдержал Кантонистов.

– Лень! – отмахнулся Утюг.

Володя резонно рассудил, что залупаться не стоит. Вообще, к нынешним своим функциям он относился как к бизнесу: ничего личного. Главное, что он достиг результата, причем по кратчайшему расстоянию. А вот Ладонин так не считал. Похищение Полины он воспринял по-иному: никакого бизнеса – только личное!

– Ну что, теперь поехали? – спросил Кантонистов.

– Пройдемте, гражданин, – согласился Ладонин.

Лень махнул охране, и все вместе прошли к огромному джипу «Тахо». Кантонистов сел на переднее сиденье, а вот его подручные при посадке постарались забраться внутрь так, чтобы Ладонин оказался сидящим между ними.

– А я вот сейчас кому-то подзатыльников накидаю! Щеглы! – огрызнулся Игорь. – Вы кого во мне увидели?!

Парни отпрянули и воззрились на Кантонистова в ожидании указаний. Но тот демонстративно искал на встроеном CD свою любимую песню, а посему парни, так и не дождавшись реакции, стали загружаться первыми.

– Ну-ка, потеснились! – прикрикнул Ладонин, и четверо покорно сжались на просторном заднем сиденье. – Все, теперь погнались!..

В салоне зазвучало нечто латиноамериканское танцевальное. Это был фольклор, вернее, шансон латиносов. Под гитару и местную гармонь трое крепких загорелых парней из Аргентины пели о том, как они торгуют наркотой и отправляют ее янкесам, а в это время их дружбан чалится в штатовской тюрьме, но скоро они выкупят его через продажного суку-сенатора. Кстати, нечто подобное потягивают и наши вокруг Владимирского централа. Не нравится? А вы сами-то пробовали рубить сахарный тростник или сосны под музыку группы «Дорз»? Впрочем, об этом совпадении «едущие вместе» в машине не знали. Кстати, от идеологически чем-то похожих «идуших вместе» они отличались тем, что, в отличие от первых, прекрасно знали, куда и к кому едут.

Доехали мигом, потому как и ехать-то особо не пришлось. Ребус ждал Ладонина совсем рядом – в «Пулковской». А кто бы сомневался?! Как только Вор, сиречь бизнесмен, сиречь Кардинал, получил информацию о том, что в тему с «наружкой» вписан Ладонин, мир для него стал по-прежнему понятен и предсказуем. Ребус верил Завьялову настолько, насколько не верил в самостоятельность ментов. Может быть, потому, что сам уже очень давно держал в руках ниточки, дергая за которые, заставлял все эти местнические руопы и хуепы произносить только те слова и совершать только те телодвижения, которые были указаны в сценариях, написанных его людьми. Так что, узнав о том, что «наружку» в кафе заказал Ладонин, Ребус... выдохнул. Дыхание у него было тяжелое. И если бы мы были мистиками, то в данном случае уточнили, что в этот самый момент стоящий в центре стола маленький букетик цветов завял.

Володя и Ладонин поднялись на третий этаж и прошли в двухкомнатный люкс. В гостиной их поджидал Завьялов, которому Лень что-то быстро зашептал на ухо. Сергей Гаврилович выслушал, кивнул и скрылся в покоях, укрытых тяжелой бархатной шторой. Игорь осмотрелся и безо всякого приглашения сел на диван, раскинув при этом руки так, что места подсесть уже не оставалось. Через пару минут бархатная штора раздвинулась и из-за нее величаво выплыл Ребус.

– Ну, здравствуй, брат Ладоги! – улыбнулся патриарх.

– Не заметил, что ты шибко заботишься о моем здоровье, – осторожно ответил Ладонин. Он прекрасно понимал, что разговаривать с Ребусом, как с Ленью, нельзя. Скрытой перебранкой можно запросто задеть самолюбие, а дальше... Сами знаете, что может последовать дальше...

– То дела случайные, можно сказать, шутейные. Повалились на полу и – ладушки... К делу?

– К делу.

– Значит, если я правильно понял, ножки за мной ты заказал?

– Не за тобой – за депутатом, – уточнил Ладонин.

В данном случае его позиция была фактически неуязвима: почти вся мало-мальски серьезная братва в Питере знала, что в свое время у Игоря действительно были общие дела именно с этим депутатом. Знал про то и Ребус. От самого депутата, кстати, и знал.

– Так ведь у нас народные избранники вроде как лица неприкосновенные? Неправильно это – оборотней милицейских на них натравливать.

– Ну, извини. Я на досуге взялся как-то Конституцию почитать, но именно до этого места не добрался – хандра одолела.

– А про то, что незнание не освобождает от ответственности, надеюсь, слышал?

– Как же, слышал. На суде. Когда брату приговор зачитывали.

– Значит, понимаешь, что за хлопоты лишние, за неудобство, тобой причиненное, ответить бы надо?

– Говори.

– Хочу, чтобы ты уступил мне предприятие.

– Какое?

– То самое, за которое мои парни с тобой с месяц назад гутарили, а ты их в одно интересное место отправил. Очень грубо отправил...

Ладонин все понял. Он чуть не вспыхнул, но вовремя спохватился и взял себя в руки. Игорь прекрасно знал, что последует дальше, какие именно слова скажет Ребус, какие еще козыри сможет вытащить из рукава. Да, козырь-то собственно был один – люди Ребуса запросто готовы повторить все снова, а вот он – вряд ли. Ладонин лихорадочно стал подсчитывать, во сколько ему обойдется вся эта музыка, но тут же смутился, почувствовав, что в любом случае сейчас находится в проигрышной ситуации. Потому что он – белый, а в этой партии белые начинают и заведомо проигрывают. От этой мысли его аж изогнуло – нет ничего хуже, чем ощущать, что у тебя нет никакой возможности постоять ни за себя, ни за своих ребят. Это как перед боксерским поединком, когда противник знает, что побьет тебя, и ты сам знаешь это... Следовательно, чего время-то зря терять? Гони свой гонорар, и расходимся.

– Давай так, – с усилием начал Ладонин. – Виноватить меня и перетирать не надо. Я всего этого уже наслушался... Я понимаю так: ты увидел возможность и укусил. В данном случае ты считаешь себя правым, хотя в глубине знаешь все. То есть, либо я отхожу, либо ты начинаешь пережевывать мое мясо своими челюстями?

– Либо, – согласился Ребус.

– Я действительно с некоторых пор малость подзабыл глухой звук бейсбольной биты, вмазанной по голени. Более того – очень не хочу вспоминать его снова. Я теперь на катере в Ладогу хожу, костер жгу, с рыбнадзором уху варю. От былых воспоминаний меня оторопь берет, но не в этом дело.

– А в чем же? – хмыкнул Ребус.

– Помнишь «Джентльменов удачи»? Три за побег, пять за детский сад... и я – из-за червонца?.. Помнишь?

– Так в чем же?

– А в том, что будь по-твоему.

– Не быстро ли соглашаешься? – насторожился Ребус.

– Кабы дело только во мне было! – воспрянул Ладонин, и глаза его при этом стали живыми, а потому злыми. – Я бы подрался!

– А если?..

– Если! – отрезал Игорь – Но знай! Не посчитай, что отныне от меня можно сладкого и дальше куски нарезать.

Ребус хотел спросить: «А что тогда?» – но удержался.

Но Ладонин вопрос угадал.

– Тогда другая песня будет. Как у черкеса.

С этими словами он встал с дивана.

– Пришли на днях своего юриста, – вместо «до свидания» сказал Игорь. – Но только одного юриста. Мое условие незатейливое: чтоб этих гномов стремящихся (он кивнул в сторону Лени) я у себя не видел. А не то могу передумать...

Ладонин вышел из гостиницы, и порыв ветра шваркнул ему в лицо горсть мокрых капель вперемешку с пылью. «Хоть погода радует», – сказал он сам себе. И тут же к Игорю подскочила и бросилась на шею рыдающая Полина. Конечно же, народ никуда не уехал. Проследив, что Ладонина отвезли в гостиницу, двумя машинами они перебрались на стоянку и все это время в полной боевой готовности торчали перед центральным входом, полные решимости в случае чего взять «Пулковскую» штурмом.

– Полина, перестань, ну хватит... Теперь-то уж чего рыдать? – успокаивал Игорь, глядя ее по голове. Но Ольховская, которая стойко продержалась более полусуток и за все это время не проронила ни единой слезинки, теперь никак не могла успокоиться и была близка к истерике.

– Ну, мы это... Мы с Утюгом, наверное, поедem, – подошел к ним Север. – Через полчаса по тарелке будет прямая трансляция из Далласа. «Чикаго Буллз» играют.

– Спасибо вам, парни, – Игорь с усилием оторвал от себя Полину и крепко пожал Северу руку. – Если что... Ну, да вы сами все прекрасно понимаете...

– Да брось ты, – смутился Север. – Это тебе спасибо. Мы с Утюгом в последнее время чуть ли не плесенью покрываться начали, со скуки даже на курсы английского языка подумывали записаться. А благодаря тебе братанов старых повидали, с молодежью пообщались, сами себя молодыми почувствовали. Так что все пучком...

Утюг с Севером исчезли столь же стремительно, как и появились. Ладонин повернулся к Полине, посмотрел на ее заплаканное, подрагивающее лицо и улыбнулся:

– Ну вот, так наревелась, что даже пена из рта пошла.

– Это не пена, – все еще всхлипывающим голосом пояснила Полина. – Это наверное от мороженого.

– От какого мороженого?

– Мне Андрюша... ну, который Утюг... пока мы тебя ждали, мороженое купил. Сказал, что это такой специальный успокоительный сорт. Лучше валерьянки действует.

Оба расхохотались.

– Игорь, ты Полину отвезешь? – Это к ним подошел Нестеров.

– Ты еще спрашиваешь?!

– В таком разе одолжи мне рублей сто пятьдесят на тачку. Надо бы как-то до дома добраться.

– Слушай, возьми у Саныча, а то я, как обычно, выскочил без ничего. В карманах ни рубля, ни цента – веришь-нет?

– Александр Сергеевич, а нам завтра... вернее, уже сегодня на работу во сколько выставляться? – шмыгая носом, спросила Полина.

– Да господь с тобой, Полина. Начальство я предупредил: ты со вчерашнего дня вроде как болеешь. Так что полежи, отдохни пару днейков. Думаю, что возможности всемогущей конторы Игоря Михайловича позволят слепить для тебя фальшивый больничный лист?

– Почему фальшивый? Самый что ни на есть настоящий сделаем. Вплоть до экстренной госпитализации на острова Карибского моря, – подтвердил Игорь.

– Вот видишь. Ладно, ребятки, поеду я, а то мне уже через четыре, да какие там четыре – через три часа подниматься нужно. А я, как вы понимаете, еще и не ложился...

Саныч выделил бригадиру пятисотку (мельче у него просто не было), и Нестеров, махнув на прощание рукой, побрел на Московский ловить машину.

Игорь снова притянул к себе Полину и осторожно спросил:

– Тебя куда отвезти? Домой? Или...

– Или.

– Понятно. Саныч, заводи мотор, едем до дому.

– На Каменный остров или в Репино? – уточнил консьержи.

– В Репино... Нашей больной предписаны покой и морской воздух.

Уже подъезжая к дому, Александр Сергеевич вспомнил про Козырева.

– Паша! Ты дома? Спишь?

– Да. Дома. Сплю, – Паша ответил столь поспешно и таким голосом, что Нестеров сразу догадался – врет, ни фиги он не дома. Так все это время и проторчал на лавочке под окнами Ольховской.

– Полина нашлась. С ней все в порядке.

– Где она была? С кем? Почему не позвонила?.. – Козырев принялся засыпать бригадира вопросами, бессознательно сделав при этом особый эгоистический акцент на интересе «с кем?»

– Паш, это не телефонный разговор. Давай так: утром дозвонись до Лямки и передай ему, чтобы к восьми часам подтягивался к «нашей скамеечке» в садике. Проведем небольшое совещание на свежем воздухе. Перед работой это даже полезно, потому как бодрит.

– А Полина будет? – не унимался Козырев.

– Слушай, давай все вопросы с утра. Договорились?

– Договорились, – без энтузиазма согласился Паша.

– Вот и ладушки. А теперь спокойной ночи. Вернее, спокойного утра.

Надо ли говорить, что после всей этой полуночной нервоотрепки ни Паша, ни бригадир так и не смогли толком поспать?

И лишь обладающий «стальными нервами» Лямка благополучно посапывал в своей постели, поскольку до сих пор пребывал в легкомысленном юношеском заблуждении, что все в этом мире в конечном итоге заканчивается хорошо.

Ну, или, скажем так, почти все и почти хорошо.

Глава вторая Нестеров

*Филер должен быть политически нравственно благонадежным, твердым в своих убеждениях, честным, трезвым, смелым, ловким, развитым, сообразительным, выносливым, терпеливым, настойчивым, осторожным, правдивым, откровенным, но не болтуном, дисциплинированным, выдержанным, уживчивым, серьезно и сознательно относящимся к делу и принятым на себя обязанностям...
Из Инструкции по организации филерского наблюдения*

Мерзкий звонок будильника заставил бригадира вздрогнуть и, с трудом разлепив веки, открыть глаза. Невероятным усилием воли Александр Сергеевич принудил себя подняться, на автопилоте прошел на кухню и поставил чайник.

Сколько себя помнил, Нестеров всегда с презрением относился к составляющим элементам здорового образа жизни, в число которых входят и водно-закаливающие процедуры. Но именно сегодня он вынужден был поступиться принципами и принять холодный душ. По собственному опыту Нестеров знал, что в противном случае всю первую половину дня ему пришлось бы приложить немало усилий, дабы не клевать носом. А работать за объектом в состоянии неадекватного восприятия окружающей действительности он не позволял ни себе, ни своим подчиненным.

Женская половина благородного семейства спала, что для столь раннего утра было делом вполне естественным. Дни, когда любимого мужа и отца провожали на работу горячим завтраком и дежурными бутербродами и поцелуями, остались в далеком прошлом. Хотя в таком ли уж далеком?

В самом деле, много это или мало – десять лет? Да черт его знает! Для тридцатилетнего старлея Сашки Нестерова, наверное, мало, а вот для сорокадвухлетнего подполковника Александра Сергеевича Нестерова – пожалуй, что и многовато. Как ни крути, жизнь проходит. Вот уже и пенсия перед глазами маячит, а начнешь вспоминать, так ничего яркого, кроме как связанного с работой да с рождением дочери, на память почему-то не приходит. Странное дело – вроде бы они с Ириной и не самые плохие супруги: каждый по-своему индивидуален, каждый в чем-то талантлив, интересен, своеобразен, а вот в целом совместная жизнь не сложилась. Может, потому и не сложилась, что каждый из них (с некоторых пор включая и Оленьку) в первую очередь стремился сначала реализовать себя?..

Александр Сергеевич глянул на часы и тряхнул головой – времени на занятия самоедством не оставалось. В конце концов, эка невидаль – жизнь у него, блин, проходит. Можно подумать, что у других она на месте топчется!.. Подумав так, Нестеров отщипнул от батона колбасы достойный кусок и скоренько заглотил его под стакан чая. Затем он глянул в зеркало, оценил уровень своей двухдневной щетины как допустимо-приемлемый и, щелкнув замками, отправился на работу. Лифтом он не пользовался принципиально. Непонятно почему, но настроение у бригадира моментально улучшилось. Причем настолько, что, спускаясь по лестнице, он даже принялся напевать любимую мамину частушку: «Эх, год, еще год, быстро время катится, кто не курит и не пьет, опосля спохватится». Слуха у Нестерова не было, но петь он любил.

Причину перемены в настроении бригадира отыскать было не трудно – всякий раз покидая дом, он не просто уходил на службу, но еще и убегал от своих мелочных (как ему всегда казалось) житейских проблем. На расстоянии, да в сравнении с «мировой революцией», они начинали казаться ему пустяковыми и не заслуживающими внимания.

– ...Ни фига себе! – именно такой была первая реакция Лямина на услышанное.

– Абсолютно с тобой согласен, Лямка. Лучше и не скажешь, – подтвердил Нестеров.

Сегодня ночью, в томительном ожидании исхода переговоров Ладонина с людьми Ребуса, Александр Сергеевич не раз укорил себя за то, что скрыл от ребят ранее полученную от Игоря информацию. Вряд ли это знание могло кардинально повлиять на ход событий, и все же... Со времени работы за Ташкентом их экипаж из вынужденно-служебного единения случайных людей эволюционно видоизменился в команду единомышленников. А это, помимо прочего, подразумевало, что отныне никаких недомолвок и секретов по вопросам, касающимся всех, существовать не должно. А «тема с зажигалкой», как теперь выяснилось, касалась всех членов экипажа. Еще как касалась! Хотя бы потому, что сейчас каждый из здесь сидящих «грузчиков» мог во всех красках представить себе, как «на ее месте должен был быть я».

– Так все-таки, где сейчас Полина? Я звонил утром, но телефоны все равно не отвечают.

Похоже, во всей этой детективной истории Пашу Козырева интересовало только одно. То бишь «я спросил у ясеня, где моя любимая».

– Игорь о ней позаботится, – пояснил Нестеров, слегка раздражаясь тем, что Козырев в данную минуту думает совершенно не о том. – Между прочим, зря ты ей звонил: девке после всей этой жути сон – как лекарство. Дай ты ей хоть немного в себя прийти, оклематься малость.

– Как будто кроме Ладонина о ней и позаботиться больше некому, – буркнул себе под нос Козырев.

– У косоного Егорки глаз шибко зоркий. Одна беда – глядит не туда, – вырвалось у бригадира.

– Это вы про меня? – встрепенулся Паша.

– Да нет, просто вспомнилось.

– А чего мы дальше делать-то будем? – вовремя вмешался Лямка. – Может, и правда, рассказать все гласникам? Пусть они берут этого Ребуса и крепят.

– Знали бы, на чем брать, давно бы и без нас закрепили. Опять же, я с Игорем толком поговорить не успел. Так что сначала надо понять, на каких условиях они Полину отпустили. От этого и плясать будем. Если будем, конечно.

– А вы считаете, что им можно вот так вот, запросто, спустить с рук и простить? Как будто ничего не было? – этим утром Козырев был настроен почти агрессивно.

– А ты считаешь, что мы втроем вот так вот, запросто, возьмем – да и жало у Ребуса вырвем? А чего? Смерть его наверняка в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце... Короче, осталось лишь узнать, где тот дуб растет...

– Тогда получается, что мы просто струсили, – продолжал гнуть свою линию Паша.

– Мы не струсили, Паша. Считай, что мы просто малехо приссали. Кстати, почувствуй разницу. В связи с этим, не забывайте, что раз у них имелись домашние адреса и мой, и Полины (не худо бы узнать – откуда?), то не исключено, что и ваши координаты срисованы тоже. Так что до полного прояснения ситуации постарайтесь вести себя осторожнее. Честное слово, парни, очень вас прошу: «на сегодня хватит дуэлей». Да, и еще: надеюсь, мне не нужно в очередной раз напоминать, что события минувшей ночи, равно как и наши предыдущие шалости, не должны стать достоянием гласности?

– Не нужно, – за двоих подтвердил Лямка, которого на самом деле так и распирало пересказать, хотя бы в общих чертах, новую детективную историю своей Ирочке. (О старой в общих чертах она уже знала и втайне «своим парнем» очень гордилась.)

– Вот и славно. А теперь двинули, Родина ждет от нас трудового подвига. Тем более что сегодня мы снова работаем в слегка усеченном составе. Ну да надеюсь, что с бомжами мы и в таком составе управимся.

Задание на гатчинских бомжей было выписано оперативниками службы, которая с недавних пор именуется гордо и вычурно – «12-й отдел ОРЧ-4 линии УР КМ ГУВД СПб и ЛО», а в простонародье непритязательно зовется «областниками».

Этой осенью по территории Гатчинского района области прокатилась целая волна дачных краж. Причем под замес попали как миниатюрные домики-сарайчики пенсионеров, где кроме посуды и садового инвентаря вроде и тащить нечего, так и коттеджи и усадьбы новых и совсем новеньких русских. Чашу терпения гатчинских стражей правопорядка переполнил эпизод с обнесением загородного дома в поселке Рождествено. Владельцем этого двухэтажного особняка с видом на Оредеж был доктор медицинских наук, профессор Дмитрий Леонидович Клейман, возглавляющий частную клинику с интригующим названием «Чародейка». В этой клинике по особому щадящему ценнику лечились, рожали и делали УЗИ жены местного милицейского руководства. Кроме того, здесь же, в атмосфере полной анонимности и конфиденциальности, потрошили его (руководства) залетевших дочерей и любовниц. Самое печальное, что, помимо денег и ценностей, Дмитрия Леонидовича опустили на толстенный фолиант, датируемый концом восемнадцатого века. Книга называлась «Анатомический атлас женщины» и скорее всего была прихвачена злоумышленниками до кучи – очень уж пикантно и натуралистично она была иллюстрирована.

Дмитрий Леонидович пребывал в ярости. Он брызгал слюной, топал ногами и отказывался делать аборт в долг. Он требовал, чтобы милиционеры оторвали свои задницы от стульев и кресел и вернули ему если не ценности, то хотя бы книгу, стоимость которой, согласно западным каталогам, могла достигать порядка тридцати тысяч долларов. Милиционеры угрозам Клеймана вняли и задницы от кресел оторвали – правда, задницы не свои, а своих агентов. Один из таких подвижников вскорости донес, что кражами на дачных участках вроде как занимается организованная преступная группа бомжей из Гатчины, участники которой периодически выезжают на пленэр (а вернее, на промысел) в близлежащие поселки и садоводства. Штаб-квартира этой ОПГ зимой располагается на трубах тепло-трассы в районе железнодорожной платформы Татьянаино, а летом – в люке водопроводной канализации у дома № 4 по улице Хохлова. Возросшее же в сентябре количество краж агент объяснил подготовкой к очередному отопительному сезону: бомжи делали запасы на зиму и, как белки, шхерили ворованное в некоем схроне, местоположение которого агенту установить не удалось. Так что за него эту почетную обязанность пришлось выполнять городским «грузчиком», получившим задание на НН в отношении пахана гатчинских люмпенов по кличке Лохматый.

* * *

На Хохлова «грузчики» «семь-три-пятого» прикатили в начале одиннадцатого. Не доезжая до места пересечения с улицей Гагарина, Козырев припарковался и запросил экипаж Эдика Каргина, который они должны были менять.

– Семь-три-семь, семь-три-семь, ответьте семь-три-пятому. Ваша настроечка?

– Да не ори ты так, Пашка, – откликнулась станция через пару минут. – Давайте прямо во двор заезжайте, мы здесь стоим.

– Вы объекта приняли? – поинтересовался Нестеров.

– Да мы его и не отпускали, – хохотнула станция.

– Это как?

– Подъезжайте – сами увидите.

Бригадир ни черта не понял, а потому махнул рукой и скомандовал Козыреву:

– Ну, давай тогда к ним, что ли.

Едва Паша свернул с Хохлова во двор дома номер четыре, как перед глазами «грузчиков» открылась ослепительная по своей красоте идиллическая картина беззаботного милицейского раздолбайства.

По первому впечатлению собственно разведку сейчас вел только водитель Каргина – по крайней мере, в салоне оперативной машины он находился один. Правда, при этом передняя дверца бежевой «восьмерки» была распахнута, а рядом с ней на асфальте стояли несколько смятых банок из-под джин-тоника. Из салона лилась трогательная в своей беспроблемности песня Ирины Дубцовой, улаживающая слух Эдика Каргина, вальяжно покуривающего на лавочке рядом с детской площадкой. А двое «грузчиков» Эдика в это время качались на перекосившихся как старуха Изергиль качелях. Совершая амплитуду маятника, качели всякий раз издавали душераздирающий звук – словно бы некто непрерывно выдирали гигантские ржавые гвозди из столь же гигантской деревянной балки.

Слегка обалдев от такого великолепия, Паша едва не въехал в багажник «семь-тридцать», остановившись буквально в каких-то десяти сантиметрах от него.

– О-ХРЕ-НЕТЬ, – охарактеризовал увиденное не менее потрясенный Нестеров. – Вот уж действительно: «есть слова, где „Це“ в начале, есть слова, где „Це“ в конце».

Он вышел из машины и направился к Эдику, который радостно приветствовал его поэтической строкой эпохи начала коллективизации:

– Беспризорному жизнь невмочь – пионер ему должен помочь.

– Здорово, пионеры! Я смотрю, вы тут совсем задемпбелевали?

– Это все свежий воздух, Сергеич. Чуешь, какой здесь воздух? И это в жилом, так сказать, массиве. А вон там, в парке, вообще полный улет. Мы с парнями утром туда завтракать ходили. Знаешь, какой зверский аппетит на природе просыпается?.. У вас, кстати, ничего похавать нет?

– Обойдешься. Вы сейчас домой поедете, а нам здесь часов семь колупаться... Кстати, я чего-то не вкурил – парк, природа, это все хорошо. А беспризорный-то ваш, в смысле объект, где? Вы его что, маханули?

– Да здесь он. Куда он, блин, денется с подводной-то лодки?

– Здесь – это где? – невольно оглянулся Нестеров.

– Не туда смотришь, Сергеич. Вон он там, у нас под колесом.

– Где?

– В люке сидит. Квартира у него там, вернее, летняя резиденция. Они с корефаном до трех часов ночи по городу слонялись, с-суки. Я теперь в Гатчине, наверное, каждую свалку, каждую помойку знаю. А под конец сюда спать завалились. Ну, мы их немного того, подперли, чтоб еще куда-нибудь не намылились, с них станется.

Нестеров хохотал минут пять. Хохотал до слез, до колик в боку, почти до истерики. Дав ему отдышаться, Эдик взял паузу, а затем спросил:

– Слушай, Сергеич, у тебя в отношении этих бомжей на сегодня какие планы?

– В смысле?

– Мы сейчас в Контору едем, так, может, вам нашу стояночку занять? Думаю, ничего страшного не случится, если Лохматый со своим подельником (кличку которому, как не трудно догадаться, мы дали Хрюндель)³ еще полдня в люке посидят. Жратва у них там есть, крыша не протекает. В общем, дарю тебе идею, причем совершенно бесплатно.

³ Лохматый и Хрюндель – герои очень популярного в Питере мультипликационного сериала про Мاسяню.

А вечером в сводке так и отпишете: «В течение дня объект из дома никуда не выходил», и будет это, заметь, чистейшая правда.

Нестеров задумался. В принципе, предложение Эдика было заманчивым и подкупало своей простотой и очевидностью, ибо после столь бурной ночи совсем не худо расслабиться и хотя бы пару часов подремать. Причем не только ему, но и Козыреву. А то не ровен час заснет за рулем и опрокинет в кювет. Али еще куда поглубже.

В эту минуту дверь парадной дома № 4 хлопнула и в направлении «грузчиков» в буквальном смысле этого слова вынесся некий лысеющий блондин предпенсионного возраста с ленинским прищуром и ленинского же роста. Он резво подскакал к бригадирам и, сотрясая воздух сухоньким кулачком, взвизгнул:

– Что же вы делаете, ироды?!

Нестеров и Эдик недоуменно переглянулись.

– Понаехали тут! Вам что, в вашем Ленинграде места уже не хватает? Сюда прикатили безобразничать?

– А в чем, собственно, дело, папаша? – осторожно спросил Каргин.

– Какой я тебе папаша? Ты еще под стол пешком ходил, когда я первый школьный выпуск выпустил. А когда тебя в пионеры принимали, я уже заслуженного учителя РСФСР получил. Поняли, «сынки»? Хотя, что я говорю... В мое время таких, как вы, в пионеры не принимали.

– Да, Эдик, не к добру ты сегодня пионеров вспомнил. Помянешь черта – он и объявится, – усмехнулся Нестеров.

– А позвольте поинтересоваться, почему это вы нас с товарищем в пионеры принимать не хотите? Мы, может, скворечники делать и не умеем, но зато маршируем классно.

Эдик явно оседлал своего любимого конька. Водилась за ним такая слабость – он обожал издеваться над гражданским населением.

– Потому что пионер – верный друг природе! Он ее охраняет и преумножает ее красоту, – наставительно произнес «природовед», и глаза его затянулись ностальгической поволокой. – А такие, как вы, только разрушать и гадить горазды!

Бригадиры, слегка оскорбленные глаголом «гадить», непонимающе покрутили головами и наконец заметили, что передним левым колесом Паша заехал на то, что с некоторой долей условности можно было назвать газоном. В результате наезда трагически упокоился торчавший из потрескавшейся земли чахлый кустик неопознанной желтоватой зелени. До того чтобы умереть своей смертью, кустик не хватило буквально пары дней.

– Так это ваш фэн-шуй? – сообразил Эдик и соорил соответствующую ситуации скорбную гримасу. Вышло у него это не слишком убедительно. – В таком случае примите наши глубочайшие извинения. Кстати, он все равно был не жилец.

– Это точно, – подтвердил Нестеров. – Отцвели уж давно хризантемы в саду.

– Да как вам не стыдно?! – взвился «природовед». – Это из-за вас, из-за этих ваших машин, из-за всего этого технократического хаоса земля стала больной! Вы уродуете нашу землю-страдалицу, она обезображена человеческим злом и стонет. Вы слышите? Она буквально стонет...

– Да слышим мы, слышим, – перебил заслуженного педагога Эдик.

Он не соврал, поскольку как раз в этот самый момент из-под земли донеслось приглушенное утробное пыхтение, отдаленно действительно чем-то напоминающее стон.

Защитник природы побледнел, отпрянул назад, и на лице его отразилась сложнейшая палитра чувств: от выпестованного годами советской власти атеистического ужаса до потаенного трепета перед высшими силами и тем, что принято именовать божьим промыслом. Типа, «вот что крест животворящий делает».

Пыхтение столь же неожиданно прекратилось. На пару секунд в воздухе повисла звенящая тишина, а затем подземный голос отчетливо произнес:

– Не, ни хера! Вдвоем не сдюжим. Чем-то тяжелым придавили. Суки!

Надо ли говорить, что произведенный эффект в данном случае был на порядок сильнее «Фауста» Гете?

– Если бы у моей мамы был такой же мерзкий голос, как у земли-страдалицы, я бы в детстве, наверное, писался по ночам, – печально констатировал Эдик и обернулся к «природоведу». Но того уже и след простыл – педагог покинул загадочное место столь же быстро, как некоторое время назад объявился. Но, как выяснилось, покинул ненадолго.

Не успели Нестеров с Каргиным отсмеяться и раскурить по сигаретке, как началась вторая часть марлезонского балета.

– Он что, на коне возвращается?

– Не на коне, а с конем, – уточнил Эдик.

– А конь в пальто?

– Увы, без. Но зато при кокарде и, похоже, при исполнении.

Заслуженный педагог возвращался, ведя за собой молодого лопухого сержанта. Лицо блюстителя порядка нельзя было назвать волевым, несмотря на то, что сержант очень старался. Что же касается специфического «конского звука», то его издавала обувь милиционера – по неведомым причинам государев человек был обут в лыжные ботинки с металлической окантовкой.

– Явление мента народу, – шепнул Каргин. – Похоже, в Гатчинском ОВД давно не получали вещевку и «шмоточные».

– А может, ему просто так удобнее выбивать показания? – выдвинул свою версию Нестеров. – Тогда, боюсь, что я сдам адреса наших конспиративных квартир и тексты последних входящих шифротелеграмм. Прости, Сергеич, но больше десяти минут пыток мне не выдержать.

– Потерпи, может, обойдется. Нам бы только мост проскочить – за речкой наши.

Тем временем в полку служивых людей прибыло. Заинтригованные молодые «грузчики» поспрыгивали с качелей и подтянулись к своим старшим – разговор с гласником обещал вылиться в мощное по своему накалу и драматизму ток-шоу.

Сержанту такой расклад понравился не шибко – храбрым портняжкой, который «одним махом семерых убивахом», он явно не был.

– Сферффант Каффалефф, – неразборчиво представился милиционер и лениво козырнул. Из опорного пункта, размещавшегося в том же доме, «природовед» выдернул его прямо с чайной церемонии. Так что сержанту пришлось дожевывать пирожок с рисом и мясом птицы буквально на ходу. – Ваши документики!

– Очень приятно, – вежливо ответил Каргин. – Приятно, что в городе Гатчина сотрудники милиции столь оперативно реагируют на заявки простых граждан.

– Это, между прочим, мой бывший ученик, – выглянул из-за не слишком широкой милицейской спины заслуженный педагог.

– В таком случае беру свои слова обратно. Это никакое не беспрецедентное явление, а самые заурядные кумовство и протекционизм.

– Разговорчики! – среагировал сержант. – Документики!

– Справка об освобождении подойдет?

– Где и за что сидели? Когда освободились? Отметка о регистрации есть?

– Вы меня не так поняли, товарищ сержант. Я имел в виду справку-освобождение от общения с младшим начальствующим составом органов внутренних дел. Порой (верителнет?) самому так хочется поговорить с простыми милицейскими парнями, с рабочими,

так сказать, лошадками, – Эдик выразительно посмотрел на ботинки сержанта, от чего тот немного смутился, – ...но нельзя. Санкционировано общение только от лейтенанта и выше.

– Неповиновение представителю власти? – догадался сержант.

– Именно так. Причем злостное.

– Тогда вам придется пройти со мной в опорный пункт.

– Так это у вас находится та самая точка?

– Какая точка?

– С помощью которой можно перевернуть мир.

Из этой фразы сержант понял одно – над ним глумятся.

– Буду вынужден применить...

– Позвольте узнать – применить или сначала все-таки использовать?

Сержант окончательно растерялся, потому что ответа на этот вопрос он не знал, хотя буквально неделю назад сдавал в РУВД зачет по 15-й статье Закона «О милиции»⁴. К тому же его табельное оружие хранилось в оружейке за три квартала отсюда, а верная подруга дубинка лежала в ящике стола в опорном пункте. Задерживать же голыми руками в одиночку семерых сержанту Ковалеву, как мы уже говорили, не доводилось. (И слава богу, что не доводилось!)

Сержант мучительно искал выход из сложившейся патовой ситуации и решительно его не находил. В какой-то момент Нестерову его стало искренне жаль, поэтому он осторожно взял сержанта за рукав (тот невольно вздрогнул, решив, что вот сейчас-то его и начнут долго и цинично убивать) и отвел в сторонку...

Минут через пятнадцать, когда «грузчики» «семь-три-седьмого» стояли под парами, готовые рвануть в направлении родной Конторы, Эдик на прощание поинтересовался у Нестерова:

– Сергеич, а что ты этому сержанту наплел? Он после беседы с тобой как Будда ушел. Просветленный по самое «не могу».

– Да ничего особенного. Я ему свою подполковничью ксиву засветил и представился инкогнито из Петербурга.

– Небось, еще и с секретным предписанием?

– Во-во, с ним самым. Короче, я признался, что в отличие от большинства гатчинских коллег проверку на «оборотенность» он выдержал достойно, а посему я буду вынужден ходатайствовать о досрочном присвоении очередной «сопли».

– И он что, купился? Ну, полный абзац! У абажура я и моя дура!

– Но одно условие я ему все-таки поставил.

– Это какое?

– Привести форму одежды в соответствии с уставом. Так что сейчас он поскакал к теще занять денег, а оттуда ломанется в обувной магазин.

Нестеров предвкушал, что после этой его фразы Эдик загнетса в приступе хохота, однако Каргин остался на удивление серьезным.

Они немного помолчали, а потом бригадир «семь-три-седьмого» экипажа печально изрек:

– Знаешь, Сергеич, мне кажется, что в наши дни крылатые слова таможенника Верещагина требуют небольшой корректировки. За Державу не обидно – за Державу страшно!..

⁴ В этой статье прописаны основания для использования и применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции.

* * *

День тянулся, как заполняемый водой презерватив, и, казалось, будет бесконечен. Мало того, что ночь выдалась нервной и бессонной, мало того, что на пост пришлось пилить ажно в Гатчину, мало того, что на обратном пути на Киевском шоссе «семь-три-пятый» угодил в гигантскую пробку. Мало того...

Так еще и по возвращению в родные Пенаты выяснилось, что руководство приготовило сюрприз в виде совещания старших экипажей у начальника отдела Нечаева. Явка была строго обязательна. По словам дежурного, лично обзвонившего каждого старшего, всех закосивших ожидали в лучшем случае галеры, а в худшем – снижение процентной надбавки к окладу. Короче, намечалось нечто искрометно-крутое и таинственное. Но что именно – никто из бригадиров не знал.

Нестеров чертыхнулся, добрал до курилки и, дождавшись, когда из нее уберется лишний народ, набрал Ирину. Говорить с женой в присутствии посторонних он всегда немного стеснялся. Тем более что в последнее время супружеские разговоры частенько велись на повышенных тонах.

– Привет, как там у вас дела?

– Ты хочешь сказать, что это тебя вдруг заинтересовало?

– Вовсе не вдруг. Меня ЭТО интересует всегда... Что там у Ольки в школе? Оценки есть?

– Нестеров, к твоему сведению, наша дочь сегодня в школу не ходила.

– Почему?

– Потому что отцу иногда следует появляться дома. Или хотя бы периодически звонить.

– Так я и звоню. Хотя не понимаю, какая, собственно, связь?

– А когда дело касается семьи, ты никогда ничего не понимаешь. Кстати, позволь спросить, где ты сегодня шлялся до четырех утра?

– Я не шлялся – я работал. Так получилось.

– Замечательная, можно сказать, универсальная отговорка. Одна на все времена.

– Это не отговорка. Это правда.

– Нестеров, вот только не надо мне врать. Я звонила в эту вашу чертову дежурку, и мне сказали, что ты закончил смену в десять. А в час ночи муж Люси видел тебя около нашего ларька сосущим твое чертово пиво. Кстати, накануне, если помнишь, ты клялся, что получка у вас будет через три дня, а сейчас у тебя нет денег даже на сигареты!

– Я действительно почти добрался до дома, но мне пришлось срочно вернуться. Исключительно по работе.

– Ладно, проехали, на самом деле мне уже абсолютно наплевать, где и с кем ты проводишь время.

– Может, ты еще упрекнешь меня в том, что я от тебя в свободное время по бабам бегаю?

– Ну нет, такое мне бы и в голову не пришло. Насколько я понимаю, алкоголь атрофировал тебе не только мозги, но и кое-что еще.

– Думай, что говоришь! – взорвался Нестеров.

– А я всегда думаю, что говорю. В отличие от тебя.

– Короче, что с Ольгой?

– Утром она проснулась с температурой. Я вызвала врача. Подозрение на ангину. Нужно пойти в аптеку, а я не могу оставить ее одну. Пришлось вызвать маму. Или ты хочешь сказать, что готов совершить подвиг и купить для дочери лекарства? Ты ведь сегодня, кажется, в утро работал?

– Ну да, вот только... У нас в половине седьмого совещание. Я сам не знал, честное слово. Обещаю, как только закончится, сразу побегу в аптеку...

– А совещание, конечно же, намечено в ближайшей пивной? С кворумом в три человека?

– Ирка! Ну, не начинай, пожалуйста!

– Да я уже практически закончила. Знаешь, Нестеров, ты можешь делать все, что захочешь: работать, совещаться, водку хлестать с такими же придурочными ментами, как ты... Да и ночевать, в принципе, можешь там, где тебе заблагорассудится. Это ведь ты только в своем ОПУ крутой и незаменимый Уокер, а здесь мы как-нибудь и без тебя справимся. Нам не впервой, сдюжим.

– Ответственно заявляешь?

– Более чем.

– А не пошла бы ты в таком разе знаешь куда?

– Можешь не продолжать. Знаю.

– Вот и отлично. Теще привет передавай. Думаю, без ее мудрых советов ты бы сама до такого не додумалась.

– А я думаю, что мама вполне переживет и без твоих приветов.

– Уж она-то всех нас переживет. По крайней мере, меня – точно.

– Перестань хамить.

– А я еще и не начинал. Вот если начну...

– Конечно, ведь это единственное, что ты умеешь делать блестяще...

В этот момент в курилку вошел Пасечник со своими «грузчиками».

– Все, Ир, извини, я не могу больше разговаривать.

– Понимаю, на совещания опаздывать нельзя. А то ведь водки может и не хватить.

«С-сучка», – прошипел Нестеров, отключаясь.

Это услышал Пасечник и сочувственно спросил:

– Что, совсем запилила?

– Есть маленько.

– Жена или любовница?

– Побойся Бога, Николай Григорьевич, какие в наши годы могут быть любовницы?

Исключительно: кефир, клистир и теплый сортир.

– Блин, Нестеров, ты же на два года меня моложе! А нудишь, как... Я вот тут, в июне, пошел на профосмотр перед отпуском. Стучусь к урологу, захожу. Сидит такой дедок в белом халате, глаз от своих бумажек не отрывает, спрашивает: «Куришь много?» Я говорю: «Где-то пачка в день уходит. Иногда полторы». – «Пьешь?» – «Пью». – «Жена, дети есть?» – «Есть, – говорю. – И жена, и дети». «А любовница?» – «А чего ж, – отвечаю. – И любовница имеется»... (А ну, молодежь, – брысь отседова! Ишь, уши развесили!)... Тогда он мне, все так же башки не поднимая, и говорит: «Давай сюда свою карточку – здоров». Во как! А ты – сортир...

– Восхищен. Снимаю шляпу. Кстати, насчет курева: Григорич, будь человеком, угости приличной сигареткой. А то у меня от «Беломора» с утра изжога страшная.

– Так переходи на фильтр. На фига здоровье портить? В наши, как ты говоришь, годы?

– Боюсь, при таких раскладах я скоро перейду на марихуану. А чего? Люди говорят, успокаивает...

Ровно в восемнадцать тридцать начальник отдела «НН» Василий Петрович Нечаев собрал в своем кабинете всех старших сменных нарядов, сиречь бригадиров. Важность совещания подчеркивалась тем, что нескольких старших на пару часов даже сняли с линии,

обезглавив таким образом, пусть и на короткое время, самый что ни на есть передний край борьбы с преступностью.

А дело было в следующем: не успело питерское ОПУ отфыркаться от методологической помощи министерского начальства по линии усиления «чего-то там», как поступила новая вводная и жутко конфиденциальная информация. В столице решили откатать на питерской площадке сценарий масштабных учений на предмет слаженности действий сотрудников оперативно-поисковых подразделений страны в чрезвычайных ситуациях.

Называлось это как всегда надрывно – ТРЕВОГА. Надо сказать, в штабе Конторы с незапамятных времен хранилось множество секретных пакетов с загрифованными планами на случай наводнений, массовых беспорядков, падения метеоритов на Дворцовую площадь и, наконец, на случай самой настоящей «ядренной» войны. К этому относились... Да, собственно, к этому никак не относились, поскольку список читающих подобные документы, как правило, ограничивался списком их же составляющих. Правда, все сотрудники хоть раз, да слышали про тревожные чемоданчики. И надо ли говорить, что любое обсуждение этих самых чемоданчиков всякий раз вызывало гогот и хорошее настроение?

– Ну что, коты помойные, притихли?! – начал Василий Петрович, обедя взглядом присутствующих.

Эта его коронная фраза свидетельствовала о том, что в данный момент настроение у начальства в принципе неплохое. Кстати, в том, что коты именно помойные, а не какие-нибудь другие, по сути ничего обидного не было. Стратегически верная исходная позиция «грузчика», как правило, неизменно находится по соседству с помойкой.

– ...Наверно, это не совсем правильно, что я информирую заранее, но завтра утром будет объявлена общая тревога по Управлению, – заговорщицки продолжил Нечаев.

– Да ради бога! – недовольно поморщился Пасечник. – Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать.

– А как мы ее услышим? – наивно поинтересовался молодой Петя Антипов, представляющий на сходке дежурку отдела.

– Здрасьте – приехали! Что ты дурочку-то валяешь?! Дежурный с Центральной звонит Прокопенко, он согласно схеме – мне, я туда-сюда, все созваниваемся... – чуть взволнованно принялся раскладывать Нечаев.

– Туда-сюда – это еще не гарантирует созвониться, – уклончиво предупредил Каргин.

– Мужики, ну что вы, как дети малые...

– Одну секундочку, Василий Петрович, – вежливо перебил шефа зам по личному составу подполковник Копытов, после чего резко сменил тональность, перейдя на более привычную: – Вы что, суки, совсем оборзели!!! Кровь пьете?! Вас, козлов, что, уговаривать кто-то собирается?! Попробуйте мне только не прийти к шести утра все!!! Причем чтоб каждый с тревожным чемоданчиком!! Выбритый, готовый противостоять ядерной опасности!! Обзвоны отменяю, назначаю тревогу сам. УУУ!!! Пожалее, если что.

Подполковник Копытов слыл человеком угрюмым. В его кабинете стоял бюст Кирова и висела карта за шторами. «Старорежимные» люди знали, что эти шторы многое значили в его жизни.

– А песню строевую надо? – осмелел Лева Трушин, после того как все, заткнувшись, переваривали услышанное. Трушин уже имел полтора неполных служебных соответствия, так что ему бы в этой ситуации лучше было помолчать. Но Лева знал, что в такой обстановке народ ожидает от него подвигов.

– Что?!!! – вскинулся Копытов.

– А чего? Коридор у нас длинный, можем строем пройти перед проверяющими. Все выглаженные, подбородки вскинутые. Я запеваю: «Держись, буржуй, настал последний бой! Против тебя весь бедный люд поднялся!!!» Молодежь, соответственно, подхватывает...

Все сидящие в кабинете встрепенулись. Видимо, задело.

– Дальше пожалуйста, – попросил Нечаев, по-девичьи умиленно подложив руку под подбородок.

Трушин встал и продолжил:

– «Он улыбнулся, засмеялся, все цепи разорвал и за свободу бьется как герой!»

– А что? Нормально! – прокомментировал Левины вокальные способности Нечаев. – Немного напоминает последние минуты канонерки «Кореец». Садись, припасем этот твой джокер на случай окружения врагом. А если завтра все обойдется, отправим тебя на ближайший смотр художественной самодеятельности.

– Так и еще, слушай сюда, «бедный люд»! – не выдержал Копытов. – Комендант здания, подчиненные которого завтра также будут противостоять нейтронной атаке, грешит на нас. Причем не просто грешит, а уже накатал бумагу в ОСБ. Мол, двенадцать стульев, крепких, кумачовых, из актового зала увели и пропили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.